

Св. Іоаннъ Креститель, какъ проповѣдникъ покаянія.

І. Имя св. Іоанна Крестителя оживляетъ передъ нами великій образъ человѣка, котораго Спаситель называлъ самымъ большимъ изъ рожденныхъ женами. Онъ стоитъ на распутіи двухъ эпохъ: въ немъ, послѣ долгаго перерыва, вновь исполнено было людямъ божественное пророчество, и явилось въ такой силѣ, какой не имѣло и въ цвѣтуція времена Израїля, когда голосъ Божій часто раздавался предъ слухомъ избраннаго народа,—и въ немъ же заключилась длинная исторія ветхозавѣтнаго откровенія, приготавливавшего человѣчество къ принятію новаго слова о спасеніи. Св. Іоаннъ Креститель проповѣдывалъ приближеніе новаго царства, говорилъ о скоромъ явленіи величайшаго необмѣновеннаго Посланника Божія, и себѣ вмѣнялъ въ особенную честь быть предтечею этого Посланника Божія.

Наша церковь окружаетъ особеннымъ благоговѣніемъ память послѣдняго и большаго изъ ветхозавѣтныхъ пророковъ, и приглашаетъ всѣхъ чадъ своихъ чтить его пророческое величіе. Между тѣмъ образъ его у насъ въ сознаніи темень и неясенъ. Мы знаемъ больше чудесныя обстоятельства его рожденія и мученической смерти, чѣмъ собственно пророческую и проповѣдническую его дѣятельность. Пророческая дѣятельность его заслонена предъ нами величіемъ божественнаго Учителя, еще при жизни Іоанна начавшаго возвѣ-

щать исполненіе ветхозавѣтнаго пророчества, и произведшаго спасительную перемѣну въ состояніи всего рода человѣческаго. Благоговѣйная память побуждаетъ насъ приблизиться своею мыслію къ образу Предтечи Господня и по мѣрѣ возможности уяснить тѣ черты, изъ которыхъ слагается его величіе. Полнаго возстановленія великаго историческаго характера мы не можемъ обѣщать: у насъ предъ глазами только немногія отрывочныя извѣстія, сообщенныя намъ въ Библии, и послѣ нихъ едва ли нужно и упоминать о нѣкоторыхъ извѣстіяхъ объ Іоаннѣ Іосифа Флавія. Но мы не можемъ не сознаться, что для внимательнаго и чуткаго ума здѣсь содержится все, что можетъ вызывать благоговѣйное почтеніе къ великому имени.

II. Смутное время переживала Іудея во дни рожденія св. Іоанна Крестителя. Это время богато было надеждами, ожиданіями и запросами, но бѣдно было средствами удовлетворенія духовныхъ потребностей. Книга откровенія хранила для іудеевъ дорогіе завѣты Божіи и указывала имъ чистое ученіе вѣры и нравственности. Но при чтеніи ея темное покрывало лежало на глазахъ израиля, и онъ видя и слыша не разумѣлъ завѣщаннаго ему откровенія, и не столько изъ него извлекалъ для себя просвѣтительныя начала, сколько въ него старался влагать свои плотскія воззрѣнія, выросшія на его сознаніе въ теченіе длинной перемѣнчивой его исторіи. Изъ среды его возвышались особенные знатоки и толкователи закона и пророковъ. Но для вѣрнаго толкованія божественнаго слова мало одного механическаго знанія; для этого нужно живое дѣйствіе духовнаго чувства божественной истины, а его-то и не доставало книжникамъ іудейскимъ, считавшимъ буквы и слова, и не умѣвшимъ уловить вложенную въ нихъ силу духа и истины. Божественный законъ у нихъ обезобра-

жентъ были разными преданіями человѣческими; единая заповѣдь любви, указанная въ немъ Спасителемъ, у нихъ раздѣлялась на множество большихъ и малыхъ заповѣдей, а вмѣсто того, чтобы возбудить и направить къ святымъ цѣлямъ внутреннее расположеніе духа народа, они до мельчайшихъ подробностей расписывали для него правила и формулы внѣшняго поведенія. Храмъ Божій загороженъ былъ множествомъ громоздкихъ человѣческихъ пристроекъ, совершенно не гармонизировавшихся съ нимъ, и блуждая по этимъ пристройкамъ народъ не проникалъ до середины своего святилища. Его руководители духовную силу раздробили на мелкія единицы, и не могли составить изъ нихъ цѣлаго,—какъ бы считали деревья и не видѣли за ними лѣса.

Въ духовномъ настроеніи іудейскаго народа, предъ явленіемъ Іоанна Крестителя, замѣтна нѣкоторая смѣсь гордости и униженія. Люди считаютъ себя избраннымъ и возлюбленнымъ народомъ Божиимъ, присваиваютъ себѣ право на особенную близость къ Богу и особенныя благодѣянія Божіи, на основаніи великихъ обѣтованій ихъ великимъ отцамъ. Но политическое ничтожество, переносимое ими иго иноплеменинаго правительства, разныя гражданскія невзгоды, сознаніе своего безсилія естественными средствами перемѣнить и возвысить свое положеніе,—все это наносило жестокой ударъ высокомерному чувству іудеевъ. Въ ихъ умахъ горькая дѣйствительность плохо сживалась съ ихъ гордыми требованіями и воззрѣніями на себя, и на каждомъ шагу при этомъ слышалась дисгармонія, служившая отголоскомъ внутреннего раздора, разѣдававшего народное чувство. Тяжесть такого положенія вызывала иногда взрывы національнаго фанатизма, не хотѣвшаго сносить рабской покорности чужому властителю. Эти взрывы причиняли новую смуту народному сознанію. Они увлекали собою много самонадѣянныхъ жизней, разражались

кровию и смертію, но народу не приносили облегченія и не исправляли его обольщеннаго самосознанія.

Ожиданіе Мессіи, обѣтованнаго избавителя, было при этомъ средоточіемъ всѣхъ помысловъ народа. Имя его было на устахъ всѣхъ, и всѣ съ особенною внимательностію слѣдили за признаками времени, какъ бы допрашивая у нихъ, скоро ли явится къ нимъ Тотъ, къ Кому направлялись умы и сердца ихъ отцовъ и дѣдовъ. Но этотъ ожидаемый Мессія въ умахъ народа не былъ тѣмъ, чѣмъ Его представляли пророки. Задумевшія желанія поработченнаго народа призывали въ немъ къ себѣ царя освободителя и завоевателя. Внѣшнее бѣдствіе удручало народъ; умственное настроеніе его образовалось подъ вліяніемъ чувствешныхъ склонностей молодого восточнаго организма, и эти склонности брали въ немъ верхъ надъ другими стремленіями всякій разъ, когда умоляли воздвигаемыя Богомъ ревнители духовнаго закона, и мѣста учителей занимали тѣ, которые хотѣли быть устами народныхъ желаній, по слову Іезекіиля. И вотъ тоскливое ожиданіе мучитъ народъ іудейскій, онъ видитъ предъ собою въ будущемъ человѣка, котораго пошлетъ Богъ къ потомкамъ Авраама и Давида для того, чтобы этотъ посланникъ Божій избавилъ его отъ политическаго униженія, прогналъ изъ Іудеи чужихъ правителей, возвратилъ народу Божію самостоятельность, основалъ для него величественное царство, сдѣлалъ его господиномъ и властителемъ земли и подчинилъ ему всѣ сосѣднія племена и народы. Это была чувственная мечта обольщеннаго народа, но она окрѣпла и сгустилась до того, что подчиняла себѣ и тѣхъ, которые владѣли относительно трезвымъ сознаніемъ. Какой-то темный покровъ заслонялъ глаза всѣхъ іудеевъ, и они не видѣли и не понимали того внутренняго избавленія, къ какому вела ихъ и какое готовилъ для нихъ Промыслъ Божій.

Въ крутъ людей, которые возвышались надъ массою народа своимъ образованіемъ, и вызывались быть руководителями другихъ силою обстоятельствъ или своею волею, съ весьма давнихъ временъ, по свидѣтельству Іосифа Флавія ¹⁾, было три особливыхъ толкъ или направленія. Каждый толкъ рѣзко отличался одинъ отъ другаго, и между ними не было мира и добромелательныхъ отношеній. Человѣкъ, искавшій высшаго просвѣщенія, часто проходилъ всѣ три толка, посѣщая разные школы, какъ напримѣръ дѣлалъ самъ Іосифъ Флавій въ молодые годы. Люди изъ значительныхъ семействъ, особенно юноши особенныхъ дарованій и благочестиваго настроенія, окончательно останавливались на томъ или другомъ толкѣ только послѣ колебаній и короткаго знакомства съ ученіемъ и требованіями каждаго изъ нихъ.

Самымъ популярнымъ и наиболѣе распространеннымъ толкомъ былъ толкъ фарисейскій. Его направленіе и недостатки намъ извѣстны изъ евангелія. Господу и Спасителю нашему часто приходилось имѣть дѣло съ гордыми вождями народа—фарисеями. Завладѣвъ всѣми видными мѣстами, окруженные почетомъ, увѣренные въ своей силѣ и святости своего направленія, они съ неудовольствіемъ встрѣтили новое божественное ученіе Господа Иисуса Христа, и возстали противъ него со всею неумолимостію узвѣленнаго самолюбія, когда увидали, что оно тревожитъ ихъ спокойную самоувѣренность и подрываетъ у народа вѣру въ ихъ значеніе, проливая новыи свѣтъ на затемненный и искаженный ими законъ правды и истины. И вотъ, по обличеніямъ Спасителя, мы знаемъ ихъ гордость, лицемѣріе и нѣкоторое чванство своими благочестивыми подвигами, ихъ показную и серупулезную религіозность, чисто внѣшнюю и бездушную, и ихъ умъ

¹⁾ Ев. 18, гл. 1. Пер. Самуилова. Ч. III, стр. 198.

ственную ограниченность. Они расширяли хранилища свои и увеличивали воскрилія одеждъ своихъ, любили предвозлежанія на пиршествахъ и предсѣданія въ синагогахъ, и привѣтствія на площадяхъ, и чтобы люди звали ихъ: учителя! учитель! Народъ хвалилъ ихъ за подвиги ихъ религіозной ревности и любви къ ближнимъ, но высшій его Сердцевѣдецъ называлъ фарисеевъ лицемѣрами за эти подвиги: они творили милостыни, посты и моленія, но любили это дѣлать такъ, чтобы эти милостыни, посты и моленія всѣмъ были видны и у всѣхъ снискивали имъ славу и почетъ. Такъ во время поста они принимали на себя мрачныя лица, чтобы всѣмъ показаться постящимися; для совершенія молитвъ и для подаванія милостыни они останавливались на углахъ людныхъ улицъ, или избирали для этого сходбища въ синагогахъ. Привязанность къ закону у нихъ была самая сильная, и они предъ лицомъ народа ревновали объ его исполненіи, и даже не дозволялись соблюденіемъ повелѣннаго имъ, а хотѣли налагать на себя особенныя какъ-бы сверхдолжныя обязательства. Ихъ скрупулезная ревность къ яснымъ требованіямъ закона прибавила множество мелкихъ предписаній или преданій челоуѣческихъ, касающихся соблюденія субботы, храненія внѣшней чистоты, порядка при столѣ и т. под. Этими мелочными предписаніями связана была обыденная жизнь фарисея отъ утра до ночи, и пунктуальное исполненіе ихъ было для него предметомъ особенныхъ заботъ и источникомъ гордости и самообольщенія. Но жизнь ихъ, размыѣренная и разсчитанная механически и связанная самыми подробнѣйшими правилами внѣшняго благоповеденія, лишена была внутренняго духа и содержанія. И Спаситель уподобляетъ ихъ гробамъ повапленнымъ, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвыхъ и всякой нечистоты. По Его словамъ, они людямъ казались праведными, а внутри были исполнены лице-

мѣрія и беззаконія. Они сами между тѣмъ не замѣчали внутренней пустоты своей. Ихъ мысль прикована была къ закону вѣнчайшей праведности, и за нимъ они не видѣли важнѣйшаго въ законѣ,—духа и силы. Они давали положенную десятину съ мяты, аниса и тмина, и оставляли судъ, милость и правду, и не умѣли различать, кто больше виновенъ въ нарушеніи закона,—тотъ ли, кто обижаетъ сиротъ и вдовицъ, или тотъ, кто приступаетъ къ столу съ неумытыми руками. Противорѣчій цѣлыя массы росли и уживались въ фарисейскомъ сознаніи, и они не возбуждали въ немъ стремленія какъ нибудь покрыть и исправить ихъ,—и эти противорѣчія видны были какъ въ общемъ строѣ ихъ жизни, такъ и въ тѣхъ частныхъ предписаніяхъ, какими они упорядочивали свою нравственную дѣятельность. Спаситель называетъ ихъ безумными и слѣпыми за то, что они не замѣчали оскорбляющей чистое сознаніе силы этихъ противорѣчій, и приводить въ примѣръ ихъ слѣпоты странныя правила ихъ касательно клятвы. Они говорили, что если кто поклянется храмомъ, то ничего, а если кто поклянется золотомъ храма, то повиненъ;—также, если кто поклянется жертвенникомъ, то ничего, если же кто поклянется даромъ, который на немъ, то повиненъ. Безумные и слѣпые (говорилъ имъ по этому поводу Господь нашъ)! Что больше,—золото, или храмъ, освящающій золото? Даръ, или жертвенникъ, освящающій даръ?... Но какъ ни печально было умственно-нравственное состояніе этой первенствующей іудейской секты, видъ добродѣтели и религіозности, какимъ прикрывали фарисеи свою духовную нищету, сдѣлалъ ихъ вождами народа, и они, по свидѣтельству Іосифа Флавія ¹⁾, снижали себѣ въ народѣ такое уваженіе, что всѣ обряды, относящіеся до богочитанія, какъ молитвы и жертвоприношенія,

¹⁾ Іуд. древности. Кн. 18, гл. 1.

характеризовала ессеевъ и бросала на нихъ невыгодную тѣнь, — это было высокомѣрное мнѣніе о себѣ, доходившее до презрѣнія всѣхъ, кто не принадлежалъ къ ихъ толкѣ, и отсюда происекавшая исключительность или сепаратизмъ, дышавшій духомъ нетерпимости, по которому они боялись прикоснуться ко всему, что выходило изъ обыкновеннаго, чуждаго имъ общества. Высокомѣрнымъ самомиѣніемъ ессей превосходили фарисеевъ, и оно рождалось у нихъ отъ того, что они болѣе другихъ заботились о выполненіи закона, избѣгали тѣхъ нечистотъ и пороковъ, какими заражена была нравственная жизнь ихъ современниковъ, и совершали частыя и особенныя религіозныя бдѣнія и подвиги. Своимъ сепаратизмомъ они напоминаютъ закоренѣлыхъ изъ нашихъ раскольниковъ. Думая, что у нихъ только святые обряды и угодное Богу служеніе, и что они только чистые люди, они не ходили въ храмъ и не отправляли въ немъ жертвоприношеній; они боялись здѣсь оскверниться чрезъ соприкосновеніе съ другими людьми, и надѣялись своими частными молитвами и священнодѣйствіями больше усладить свою душу, чѣмъ сколько это возможно во храмѣ, при обычномъ богослуженіи. Свое отношеніе къ іудейскому храму они выражали только тѣмъ, что присылали въ него дары. — Свое отчужденіе отъ другихъ ессей не ограничивали религіозною областію, но переносили его и въ обыденный бытъ: они напримѣръ принимали только ту пищу, которая приготовлена въ ихъ обществѣ, и скорѣе согласились бы умереть, чѣмъ ѣсть отъ другихъ. Внѣшнее очищеніе или омовеніе, указывавшее на необходимость внутренняго очищенія и замѣнявшее это послѣднее, слишкомъ часто употреблялось у нихъ: къ нему они прибѣгали всякій разъ, когда получали оскверненіе отъ прикосновенія чего нибудь нечистаго. А это, при всей ихъ осторожности, могло случаться почти на каждомъ шагѣ, въ силу той щепетильности, какою

они отличались. Кругомъ себя они видѣли множество нечистотъ и въ природѣ и въ людяхъ, и вѣншими средствами хотѣли спасать себя отъ нихъ. Не только язычникъ, не только простой іудей своимъ прикосновеніемъ возмущалъ спокойствіе ихъ самоуслажденія; но даже свой братъ есеевъ заставлялъ другого есеевъ принимать очищеніе, если только онъ принадлежалъ не къ одной степени съ нимъ и между тѣмъ случайно касался его. Всѣхъ степеней въ есеевскомъ толкѣ было четыре, и низшія степени по отношенію къ высшимъ были нечистыми; потому прошедшіе первыя степени не хотѣли и боялись имѣть общеніе съ людьми низшаго совершенства, по странной пугливости мелкаго духа. Духъ высокомерія и нетерпимости, проявлявшійся въ чувствахъ и дѣлахъ есеевъ, подрывалъ въ корнѣ ихъ благочестіе. Въ ихъ настроеніи и дѣятельности, при серьезныхъ желаніяхъ, много было дѣтскаго. Внутренняго обновленія и жизни по духу искали они, и съ этою цѣлю они бѣжали отъ людей въ пустыни. Но непроевѣтленная свобода не знала, куда вести человѣка: робко она озиралась кругомъ и разными вѣншими преградами старалась предохранить избранное общество отъ нравственной заразы, гнѣздившейся въ современныхъ поколѣніяхъ. Отсюда суевѣрныя привычки и странныя недействительныя средства очищенія и освященія, успокоивающія встревоженную совѣсть. Въ своемъ замкнутомъ кругѣ, съ своею робкою совѣстію, съ своими узкими воззрѣніями, съ своими подвигами, въ которыхъ за вѣншимъ напряженіемъ ослаблялась внутренняя сила, есеевъ представляютъ изъ себя видъ людей, начавшихъ духомъ и кончившихъ плотію, стремившихся къ духовной свободѣ и подпадавшихъ духовному рабству.

Рядомъ съ указанными тремя толками въ еврейскомъ обществѣ Гусейнъ Фараби ставитъ четвертый толкъ, въведенный Гудомъ галилеяниномъ. Это собственно быть политический отырыскъ

фарисейской секты. Держави́еся этого толка въ религіозномъ отношеніи согласны были съ фарисеями, но къ фарисейской закваскѣ они присоединяли политическія стремленія,—были защитниками вольности и самостоятельности іудейскаго народа, и кромѣ Бога не хотѣли признавать другихъ правителей и властителей. Эти мечты о самостоятельности іудейскаго народа подъ асократическимъ правленіемъ приводили людей новаго толка въ столкновеніе съ чужими властями, управлявшими Іудеею. И вотъ они, въ избыткѣ національнаго фанатизма, съ удивительною твердостью выступали на неравную борьбу, и скорѣе соглашались терять жизнь, подвергать себя, своихъ друзей и сродниковъ самымъ жестокимъ казнямъ, чѣмъ признавать кого либо изъ людей своимъ господиномъ. Іосифъ Флавій удивляется ¹⁾ упрямству, рѣдкому ожесточенію этихъ людей и почти невѣроятному презрѣнію къ чувствуванію боли, но въ то же время замѣчаетъ, что этимъ суетумудріемъ заразился безумный народъ...

III. Среди такого религіозно-правственнаго состоянія іудейскаго народа воспитался и проповѣдывалъ послѣдній и самый большій изъ пророковъ, Предтеча Господа и Спасителя нашего. Сынъ благочестиваго священника, рожденный по молитвамъ и обѣтамъ, еще во чревѣ матери посвященный на служеніе Богу, онъ съ первыхъ же дней своей жизни находился подъ особеннымъ наитіемъ Духа Божія. Исторія не передаетъ намъ подробностей о его воспитаніи. Евангелистъ Лука замѣчаетъ только, что когда онъ родился, тотчасъ слава о чудесныхъ обстоятельствахъ его рожденія распространилась по всей странѣ іудейской, и былъ страхъ на всѣхъ окрестныхъ жителяхъ; и не только отецъ его Захарія, просіящен-

¹⁾ Іуд. древн. кн. 18, гл. I.

ный благовѣстіемъ архангела, смотрѣлъ на него съ надеждою и привѣтствовалъ въ немъ пророка Вышняго, но и всѣ слышавшіе о немъ, съ чувствомъ благоговѣнія къ судьбамъ Божіимъ, спрашивали о немъ: что будетъ изъ этого отрока? Съ цимъ была рука Господня; онъ росъ и укрѣплялся духомъ, и былъ въ пустыняхъ до дня явленія своего Израилю (Лук. 1, 65—80). Имя назорея и завѣты архангела Захаріи даютъ намъ понятіе о той строгости, съ какою устроилась нравственная жизнь избранника Божія, съ перваго обнаруженія его свободы и до полного укрѣпленія его характера. По обѣтамъ онъ не долженъ былъ пить вина и сикера (Лук. 1, 15), и держалъ самое строгое воздержаніе. Народъ, когда ходилъ въ пустыни, не видѣлъ въ немъ человѣка, одѣтаго въ мягкія ризы, напоминающія собою людей богатыхъ, заботившихся объ удобствахъ жизни. Одежда его была изъ верблюжьяго волоса, и подсъ божанный на чреслахъ его. Пищею его были акриды и дикий медъ (Матѣ. III, 4. IX, 14. XI, 8. 18).

На основаніи такихъ изображеній нѣкоторые западные богословы (Paulus, Exeg. Handb. 1. 136. Creuzer, Symb. 4, s. 413..) полагали, что св. Іоаннъ Креститель принадлежалъ къ ессеямъ, державшимся строгихъ правилъ жизни, и въ ихъ обществѣ получилъ свое образованіе. Мы не находимъ ничего предосудительнаго въ томъ предположеніи, что ессеи, ихъ есо-софія, ихъ честные нравы и аскетическіе обычаи были извѣстны св. Іоанну Предгечѣ, какъ хорошо были извѣстны ему всѣ воззрѣнія фарисеевъ и саддукеевъ. Очень можетъ быть, что онъ еще юношею ¹⁾ познакомился со всѣми толками, на какіе

¹⁾ По обычаю тогдашняго времени, юноши, ищущіе образованія, посѣщали разныя школы и принимались и ессеями. У есеевъ назначено было три года приготовленія для вступленія въ ихъ секту. Но этого срока очень многіе не выдерживали, какъ напр. Іосифъ Флавій, основившійся окончательно на фарисейскомъ толкѣ.

распадалось тогдашнее іудейское религіозное сознаніе, и секта ессеевъ могла понравиться ему болѣе, чѣмъ другія. Но мы никакъ не можемъ допустить, чтобы онъ принадлежалъ къ числу посвященныхъ ессеевъ, и отъ нихъ заимствовалъ хоть часть своихъ воззрѣній и нравственныхъ привычекъ. И это не потому только, что ни въ Евангеліи, ни у Іосифа Флавія нѣтъ ни малѣйшихъ намековъ на что либо подходящее къ высказаннымъ положеніямъ, но и потому, что жизнь и дѣятельность св. Іоанна Крестителя производить собою на наблюдательнаго историка впечатлѣніе, совершенно противоположное тому, какое въ свое время производили ессеи. Въ средѣ ессеевъ св. Іоаннъ Креститель не могъ найти себѣ полного удовлетворенія. Для его сильной и широкой богопросвѣщенной мысли нужна была истина болѣе полная, горизонтъ болѣе объемлющій, чѣмъ какими довольствовались ессеи. Ессеи были честные и добрые люди; они искали святости. Но ихъ воззрѣнія были довольно тѣсны; у нихъ въ практикѣ много было сепаратизма, нетерпимости и суевѣрныхъ замашекъ и обычаевъ. Ими ли удовлетвориться такому свѣтлому и необыкновенному духу, какой съ первыхъ дней обнаружилъ въ себѣ великій предъ Господомъ Іоаннъ? Онъ могъ питать нѣкоторое уваженіе къ стремленіямъ ессеевъ, къ ихъ честности и любви къ правдѣ, но въ то же время съ сожалѣніемъ объ ихъ ограниченности онъ долженъ бы былъ оставить ихъ, еслибы обстоятельства какъ нибудь сблизили его съ ними,—и искать себѣ у Бога новаго свѣта, новаго откровенія. Онъ идетъ въ пустыню; потому что ищетъ высшаго совершенства, и потому что окружающая дѣйствительность оскорбляетъ его впечатлительную, но ревнивую душу. Среди пустыни молодой человѣкъ повѣряетъ и оцѣниваетъ всю мудрость, какую доставило ему современное ему поколѣніе; онъ видитъ духовно-нравственную бѣдность тогдашняго человѣчества, заключается въ

самого себя, въ свою собственную мысль, и посредствомъ внѣшняго уединенія и внутренней самососредоточенности воспринимать себя до высшихъ созерцаній, до новыхъ откровеній Божіихъ, неизвѣстныхъ тогдашнему народу. Съ высоты, на которую при содѣйствіи небесной помощи вознесся его окрыленный духъ, онъ смотритъ на эти жалкія и ничтожныя направленія, какія тогда опредѣляли собою сознаніе и дѣятельность іудейскаго народа. Онъ скорбитъ объ ослѣпленіи людей; его обвиняетъ при этомъ чувство гнѣва и негодованія, или святая ревность по истинному богопознанію. Формальная святость и тусклое, фальшивое богопознаніе фарисеевъ, бездушный рационализмъ и естественная нравственность саддукеевъ у него не заслуживаютъ даже имени человѣческаго; онъ называетъ ихъ порожденіями эхинопшными (Мате. III, 7). Самые честные ессеи, довольные малымъ и въ этомъ самодовольствѣ возвышавшіе себя надъ всѣми людьми, внушаютъ ему горькую мысль о низкомъ уровнѣ духовно-нравственныхъ требованій и превратномъ узкомъ взглядѣ на святое начало жизни у самыхъ лучшихъ представителей тогдашнихъ поколѣній. Итакъ, когда мы представляемъ св. Іоанна въ пустынѣ, мы представляемъ высоту его боговѣдѣнія и чистоту его нравственныхъ понятій, родившихся, по дѣйствію Св. Духа, въ его собственной душѣ, а не вынесенныхъ имъ изъ какой либо школы, представляемъ его горькую мысль о религіозномъ усыпленіи народа, представляемъ броженіе горячихъ чувствъ, — ревности, гнѣва и любви. При этомъ понятнымъ становится, что въ этомъ человѣкѣ, бродящемъ по пустынямъ, мало занятомъ мыслію о своемъ продовольствіи и одеждѣ, питающемся тѣмъ, что дастъ ему Богъ и природа, собирается и готовится сила, могущая поразить поколѣнія, отъ давняго томленія привыкшія къ религіозной бѣдности, но не потерявшія впечатлительности и воспримчивости къ новымъ, болѣе питательнымъ,

словамъ, помнившія времена пророковъ и съ часу на часть ожидавшія Мессіи:

Но это понятно намъ, когда мы издали смотримъ на великія совершившіяся событія. Чувствовалась ли эта сила, собиравшаяся въ св. Іоаннѣ, его современниками? Для нихъ молодой человѣкъ, въ пустыняхъ ищущій себѣ спокойнаго мѣста для самовоспитанія, могъ казаться юношею мечтательныхъ увлеченій, который удаляется отъ міра, — потому что онъ охлаждаетъ его мечты и требуетъ отъ него дѣла, а не праздныхъ созерцаній. Но нѣтъ, не такая молва ходила объ св. Іоаннѣ. Онъ же обращался среди людей, знакомился съ ихъ ученіемъ и обычаями, и вездѣ, гдѣ былъ, онъ оставилъ впечатлѣніе силы и рѣшительности. Съ его именемъ, съ самыхъ первыхъ дней проявленія его самостоятельной личности, соединяли настойчивую, непреклонную волю, огненную, сильную душу, крѣпкую, сосредоточенную мысль. Знавшіе его говорили о немъ, что въ немъ воплотилась сила и духъ Іліи, и въ немъ они ожидали такого же исполина, какъ Ілія, готоваго, подобно ему, бороться и съ небомъ и съ землею, съ величіемъ и малостію этого грѣшнаго міра. Потому, когда св. Іоаннъ жилъ въ пустынѣ, онъ не терялся и не исчезалъ для общества; изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ знали его, расходилась по народу молва о немъ, какъ о человѣкѣ необыкновенномъ.

IV. Въ пятнадцатый годъ правленія Тиверія Кесаря, когда Понтій Пилатъ начальствовалъ въ Іудеѣ, Иродъ былъ четверовластникомъ въ Галилеѣ, Филиппъ, братъ его, четверовластникомъ въ Итуреѣ и Трахонитской области, а Лисаній четверовластникомъ въ Авилинеѣ, при первосвященникахъ Аннѣ и Каиафѣ, былъ глаголѣ Божій ко Іоанну, сыну Захаріи, въ пустынѣ (Лук. III, 1. 2). Ни евангелистъ, ни самъ Іоаннъ не говорятъ намъ, въ чемъ состоялъ этотъ глаголѣ Божій. Онъ

звалъ Іоанна на публичную всенародную проповѣдь: упомянувши объ этомъ глаголѣ Божіемъ къ Іоанну, евангелистъ тотчасъ же прибавляетъ: и онъ проходилъ по всей странѣ іорданской, проповѣдую крещеніе покаянія во оставленіе грѣховъ (Лук. III, 3). Чувствуется необычайная важность глагола Божія, позвавшаго Іоанна на проповѣдь, когда вы читаете у евангелиста подробное опредѣленіе времени этого событія (что бываетъ обыкновенно при описаніи происшествій особеннаго историческаго значенія), и когда вы видите еще, что онъ представляетъ его исполненіемъ пророчества Исаіи, который, предвозвѣщая о необыкновенномъ проповѣдникѣ, сказалъ: *гласъ вопиющаго въ пустыни: уготовайте путь Господень; правы творите стези ево* (Лук. III, 4; Ис. XL, 3). Имя чловека, удостоившагося необычайнаго зова Божія, еще болѣе внушаетъ благоговѣнія къ силѣ Божіей, овладѣвшей волею Іоанна. Давно Богъ приготовлялъ его къ свершенію великихъ судьбъ среди своего народа. Его сознаніе и душа давно полны были зачатками великихъ дѣйствій, и нужно было только возбужденіе и освященіе свыше для того, чтобы полнымъ цвѣтомъ распустилось богатое сѣмя, возраставшее въ великое дерево, подъ особеннымъ попеченіемъ Промысла. Великую душу волновали глубокія разнообразныя чувства, и столкновение въ ней противоборствующихъ элементовъ должно было разрѣшиться такъ или иначе. Въ ней боролись и сталкивались между собою высшее просвѣщеніе духа и скорбь при видѣ жалкаго состоянія народнои вѣры, услажденіе небесными созерцаніями и горькое чувство отъ плотныхъ стремленій и тусклаго, омраченнаго взора братій, его окружающихъ, сознаніе божественнаго закона и необходимости его воплощенія въ жизни для блага самой жизни и горячая ревность при его непониманіи и постоянномъ уклоненіи отъ него со стороны народа и его вождей. Тьма облежала кругомъ, а въ душѣ

Іоанна возрастала внутренній свѣтъ, усиленный содѣйствіемъ свѣта небеснаго. Слабая воля людей съ опущенными руками стояла предъ ношею жизни, не имѣя силъ поднять ее на свои плечи, и безъ протеста позволяла увлекать себя ничтожеству и беззаконію,—и надъ разбитымъ, пораженнымъ тѣломъ стоялъ исполнитъ, чувствующій въ себѣ избытокъ свѣжихъ, кипучихъ силъ. Но чтобы видѣть все величіе нравственнаго характера св. Іоанна, вспомнимъ, чѣмъ обыкновенно въ жизни и исторіи разрѣшаются коллизіи, подобныя той, въ какой чувствовалъ себя св. Іоаннъ Предтеча. Душа сентиментальная или чувствительная, безъ силы воли, могла бы разрѣшиться при этомъ бесплодными жалобами, вздохами и стенаніями. Душа самолюбивая, съ характеромъ, но съ малымъ внутреннимъ положительнымъ содержаніемъ, отворотилась бы отъ жизни и людей и явила бы ихъ раздражающимъ сарказмомъ и бесплодною насмѣшкою. Душа темная и мрачная исчахла бы въ опьяняющей атмосферѣ отчаянія. У Іоанна не было ни сентиментальности, ни самолюбія, ни мрачной меланхоліи. Его душа была твердою, любвеобильною, свѣтлою и многосодержательною, и эти свойства привлекли къ ней укрѣпляющую силу Духа Божія. Тяжелая дисгармонія между его внутреннимъ сознаніемъ и вѣншею дѣйствительностію только вызвала и усилила энергію въ этой несокрушимой и огненной душѣ. Св. Іоаннъ оставляетъ уединеніе, ищетъ людей, чтобы высказать имъ свои свѣтлыя мысли и полученные имъ небесныя откровенія, чтобы излить предъ ними наболѣвшее чувство, обличить ихъ въ нравственной ничтожности и утѣшить ихъ словомъ Божиимъ, обещающимъ имъ скорое избавленіе подъ условіемъ покаянія. Какъ скоро разъ услышали это могучее и крѣпкое слово, запечатлѣнное достоинствомъ вышечеловѣческимъ,—толпа взволновалась; въ ней пробудилось желаніе лучшей, болѣе питательной религіозной пищи, чѣмъ какую

доставляли ей тогдашніе книжники, и цѣлыя сотни и тысячи вошли къ Іоанну въ пустыню, чтобы послушать его слова и ученія. *Тогда исхождение къ нему Іерусалима, и вся Іудея, и вся страна Іорданская* (Матѣ. III, 5; Марк. I, 5). Сильная душа св. Іоанна Крестителя сдѣлалась центромъ, притягивающимъ къ себѣ блуждающія сердца, потерявшія оживляющее начало духа, коснѣвшія прежде во тьмѣ и проводившія въ томленіи время, ихъ истощавшее.

Интересный пунктъ въ исторіи св. Іоанна Крестителя первое его явленіе народу съ публичнымъ словомъ, по зову божественной силы. Оно имѣло рѣшительное значеніе по отношенію къ народу, который съ перваго явленія новаго проповѣдника обратилъ къ нему сердца и взоры. Оно можетъ давать богатый матеріалъ для размышленія и историкѣ и философу и художнику. Мы представляемъ себѣ стеченіе народа въ какомъ либо мѣстѣ около Іордана, по случаю религіознаго праздника или по чему либо другому. Можетъ быть, общество, стекшееся въ одномъ мѣстѣ, читало законъ или вспоминало судьбы Божіи, явленныя въ исторіи ихъ отцовъ и дѣдовъ. Среди бесѣды, предъ обществомъ, погруженнымъ въ размышленіе, вдругъ является молодой человѣкъ, прикрытый эпанчею изъ верблюжьего волоса, подпоясанный кожанымъ поясомъ. Суровая аскетическая жизнь его молодому лицу придала сухость и блѣдность. Но эта сухость и блѣдность не показываетъ истощанія: крѣпкіе мускулы и широкія кости, видныя изъ-подъ его верблюжьей одежды, свидѣтельствуютъ о силѣ и твердости его организма и вмѣстѣ съ этимъ о силѣ и твердости его духа и воли. На челѣ его слѣды трудовой сосредоточенной мысли; въ его глазахъ блеститъ и выражается какое-то особенное одушевленіе, и на всемъ лицѣ ясный отпечатокъ самоуглубленія и рѣшимости. На него указываютъ; на него обратили вниманіе. Сильнымъ высокимъ

голосомъ онъ начинаетъ сильную рѣчь къ этому собравшемуся обществу: оно поражается неожиданностію этой рѣчи, поражается видомъ этого человѣка, Богъ вѣсть откуда явившагося, такого оригинальнаго и заманчиваго по виду. Молодость и нѣжность возраста, строгій аскетизмъ и непреклонная энергія, рѣдко соединимыя въ одномъ лицѣ, придаютъ ему въ глазахъ народа особенный интересъ. Слова его, полныя небесной святости и внутренней энергіи, какъ громъ, раздаются предъ собраніемъ, и послѣ того, какъ этого слова уже не стало, не вдругъ приходятъ въ себя ошеломленное собраніе: первое впечатлѣніе парализовало самостоятельную мысль слушателей, и въ нихъ говорить только какое-то неясное чувство, похожее на страхъ и благоговѣніе. Они оцумываются, приходятъ въ себя; новыя слова глубоко запаши въ ихъ душу, и уже стились съ содержаніемъ ихъ сознанія, и потому отъ нихъ они не могутъ оторваться. Начинаютъ спрашивать, кто этотъ странный и, по видимому, великій человѣкъ. Называютъ имя Іоанна, молва о которомъ уже ходила, какъ о человѣкѣ высшаго просвѣщенія. Желаніе слушать его растетъ все больше и больше, по мѣрѣ слуховъ о первомъ впечатлѣніи, произведенномъ проповѣдію Іоанна. Пророчество, давно не слышное во Іудеѣ, проявилось снова съ такою силою, какой не было, говорятъ, и въ устахъ Іили. Проповѣдь продолжается, впечатлѣніе усиливается, и св. Іоаннъ дѣлается великимъ провозвѣстникомъ новыхъ началъ и вождемъ новаго направленія духовной жизни въ іудейскомъ народѣ.

V. О чемъ же проповѣдывалъ этотъ новый и великій пророкъ? Объ этомъ мы имѣемъ краткія, но многосодержательныя и характерныя извѣстія у евангелистовъ, и съ этими извѣстіями согласуется свидѣтельство Іосифа Флавія объ Іоаннѣ Крестителѣ. Іосифъ Флавій называетъ Іоанна Крестителя пра-

ведными мужемъ, и говорить, «что онъ возбуждалъ іудеевъ къ добродѣтельному житію, и научалъ ихъ, чтобы они хранили правду между собою, и наблюдали должное почтеніе къ Богу, и потомъ приступали ко крещенію. Это омовеніе, проповѣдывалъ онъ имъ, тогда будетъ угодно Богу, когда вы станете употреблять его не для одной чистоты тѣла, но и для очищенія себя отъ пороковъ, расположивъ напередъ къ истинѣ сердца свои. Народъ, восхищенный симъ ученіемъ его, стекался къ нему въ великомъ множествѣ» ¹⁾. Евангелисты съ ббльшею подробностію передали намъ содержаніе Іоанновой проповѣди. Они говорятъ намъ, что онъ проповѣдывалъ крещеніе покаянія во оставленіе грѣховъ. *Покайтесь* (говорилъ онъ): *приближибося царствіе небесное*. Народъ стекался къ нему, и Іоаннъ видѣлъ многихъ фарисеевъ и саддукеевъ, идущихъ къ нему креститься. Приходившему креститься отъ него народу Іоаннъ говорилъ: порожденія эхиднины! Кто внушилъ вамъ бѣжать отъ грядущаго гнѣва? Сотворите же достойные плоды покаянія, и не думайте говорить въ себѣ: отецъ у насъ Авраамъ; ибо говорю вамъ, что Богъ можетъ изъ камней сихъ воздвигнуть чадъ Аврааму. Уже и сѣкира при корени древа лежитъ: всякое древо, не приносящее добраго плода, срубаютъ и въ огонь бросаютъ. И спрашивахъ его народъ: что же намъ дѣлать? Онъ сказалъ имъ въ отвѣтъ: у кого двѣ одежды, тотъ дай неимущему; и у кого есть пища, дѣлай то же. Пришли и мытари креститься, и сказали ему: учитель! что намъ дѣлать? Онъ отвѣчалъ имъ: ничего не требуйте болѣе опредѣленнаго вамъ. Спрашивали его также и воины: а намъ что дѣлать? И сказалъ имъ: никого не обижайте, не клеветайте, и довольствуйтесь своимъ жалованьемъ.—Когда же народъ былъ въ ожиданіи, и всѣ

¹⁾ Древности іудейскія. Книга 18, гл. V. Отд. 2.

помышляли въ сердцахъ своихъ объ Іоаннѣ, не Христосъ ли онъ, Іоаннъ веѣмъ отвѣчалъ: я крещая васъ водою, но идетъ Сильнѣйшій меня, у котораго я не достоинъ развязать ремень его обуви: Онъ будетъ крестить васъ Духомъ Святымъ и огнемъ. Допята Его въ рукѣ Его, и Онъ очиститъ гумно свое, и соберетъ пшеницу въ житищу свою, а солому сожжетъ огнемъ неугасимымъ. Многое и другое благовѣствовалъ онъ народу, поучая его. Обличалъ онъ и Ирода четверовластника за Иродіаду, жену брата своего, и за все, что Иродъ сдѣлалъ худаго. И Иродъ боялся Іоанна, зная, что онъ мужъ праведный и святой и берегъ его: многое дѣлалъ слушаясь его и съ удовольствіемъ слушалъ его (Лук. III, 7—19; Матѣ. III, 1. 2. 5—12; Марк. I, 4—8. VI, 18—20).

Вотъ извѣстіе о проповѣди Іоанна Крестителя. Изъ него само собою вытекаетъ ясное и опредѣленное представленіе о ея характерѣ. Іоаннъ прямо нападаетъ на плотское пониманіе евократическаго царства іудеями, и хочетъ разрушить ихъ грубыя и горделивыя представленія о себѣ. Не думайте надѣяться на то, что вы дѣти Авраама (прежде всего говоритъ онъ имъ). Современная жизнь и нравственность во всей наготѣ открывала свои язвы и болѣзни предъ его богопросвѣщеннымъ умомъ, и онъ проповѣдуетъ общее покаяніе, приглашаетъ всѣхъ къ новой жизни, полагая крещеніе видимымъ ея знаменіемъ, и отъ принимающихъ это знаменіе онъ требуетъ, чтобы они приносили плоды достойные покаянія. «Мы идемъ царства Божіа (говоритъ онъ, отвѣчая на ягучія желанія народа): оно вотъ скоро настанетъ. Но готовъ ли мы для него? Сѣкира при корнѣ дерева лежитъ, и васъ, какъ безплодныя деревья, срубятъ и бросятъ въ огонь. Я проповѣдую вамъ покаянiе и приглашаю васъ креститься, не дѣлая надъ вами, въ случаѣ непринятiя моего приглашенiя, никакого властительскаго распоряженiя. Но идетъ за мною Силь-

нѣйшій меня, и Онъ не водою будетъ крестить васъ, а Духомъ Святымъ и огнемъ. Я вижу и представляю Его: у Него лопата въ рукѣ, и Онъ очищаетъ гумно свое, собираетъ пшеницу, а солому сожжетъ огнемъ неугасимымъ». Обличеніе сильное и проповѣдь новая. Доселѣ іудеи думали, что вотъ явится Мессія и облагодѣтельствуетъ ихъ за то, что они дѣти великихъ отцовъ; они надѣялись, что въ новомъ царствѣ они всѣ будутъ блаженствовать, безъ всякой съ ихъ стороны личной заслуги, по одному благоволенію къ нимъ Божию. Эту надежду разбиваетъ Іоаннъ: въ новомъ ожидаемомъ царствѣ онъ указываетъ грозныя судьбы, отверженіе всѣхъ неправедныхъ; онъ говоритъ своимъ современникамъ, что они, при своей нравственной косности, не годятся туда, ихъ не примутъ тамъ, и они подвергнутся жестокому и окончательному осужденію, если не начнутъ новой жизни.

Надежда народа поколеблена; въ его сознаніи потрясены улегшія было и спокойно почивавшія представленія. Что же дѣлать намъ (спрашиваютъ Іоанна), чтобы войти въ царство Божіе? Всѣмъ онъ проповѣдуетъ братскую любовь, милосердіе къ немущимъ, чистоту и добродѣтель, благочестіе, но благочестіе внутреннее, а не соблюденіе однихъ церковныхъ обрядовъ. Онъ хочетъ внутренняго исправленія и очищенія сердца; онъ ищетъ перемѣнъ, но его стремленіе при этомъ простирается не на внѣшнее положеніе человѣка и общества, а на нравственное состояніе и настроеніе каждаго человѣка въ частности и цѣлаго общества. Взглядъ, возвышающій нашего проповѣдника надъ всею окружающею его средою! Фарисеи преслѣдовали внѣшнюю праведность; саддукеи ослабляли требованія нравственнаго закона до уровня простой чувственности; ессеи, при всемъ добромъ своемъ направленіи, отталкивали отъ себя фанатическимъ сепаратизмомъ и ставили себя во враждебное отношеніе къ обществу и обыденной жизни,

удаляясь от своихъ собратій и не желая принимать участія въ общественныхъ трудахъ и скорбяхъ. Св. Іоаннъ прямо ведетъ въ жизнь своихъ слушателей, не отрываетъ ихъ отъ своихъ мѣстъ, и здѣсь только требуетъ отъ нихъ новаго нравственнаго направленія.

Общею проповѣдію покаянія и нравственнаго исправленія не довольствовался св. Іоаннъ Креститель. Каждому словію и каждому лицу онъ старался сказать то, что наиболѣе соотвѣтствовало ихъ настроенію, и что наиболѣе могло быть полезно для нихъ. Услышавъ о новомъ проповѣдникѣ, приходятъ къ нему мытари, воины и другія лица изъ народа. Онъ имъ не велитъ бѣжать въ пустыню, какъ сказали бы ессей, а совѣтуетъ свято совершать тѣ занятія, какія возлагались на нихъ общественнымъ служеніемъ. Званіе мытарей было одно изъ самыхъ презрѣнныхъ званій у іудеевъ, и на нихъ неблагоклонно смотрѣлъ народъ, считая ихъ людьми безъ чести и сердца, людьми потерянными въ нравственномъ отношеніи. И когда эти люди, презираемые за свою должность, подававшую поводъ ко многимъ несправедливостямъ и угнетеніямъ народа, съ безпокойною мыслію приходятъ къ Іоанну, и требуютъ у него наставленія, онъ говоритъ имъ: «не притѣсняйте народъ, и не берите съ него больше того, сколько положено,—и ваше дѣло будетъ чистое». «Не оставляйте службы (говоритъ онъ воипамъ въ то время, когда во Іудеѣ не хотѣли мириться съ этимъ званіемъ), только никого не обижайте, никого не браните, ни на кого не клеветайте, и довольствуйтесь тѣмъ, что даютъ вамъ».

Иродъ же четвертовластникъ обличаеъ (бѣлъ) отъ него о Иродіадѣ жениѣ брата своего, и о всѣхъ, яже сотвори злая Иродъ (Лук. III, 19). Слово св. Іоанна Крестителя, исходя изъ пустыни, распространялось по всей Іудеѣ и Галилеѣ и достигало до высоты царскаго престола. Утѣшая, наставляя

и обличая народъ, своимъ правдивымъ и неподкупнымъ словомъ великій проповѣдникъ поражалъ знатныхъ и сильныхъ земли, и блюстителямъ гражданскаго закона съ смѣлостію посланника Божія напоминалъ объ отступленіяхъ отъ закона божественнаго. Человѣкъ сильнаго и крѣпкаго духа, какъ скоро по сознанію правды выступаетъ на общественное служеніе силою своего слова, и это сознаніе утверждаетъ божественнымъ полномочіемъ,—ни кому не льститъ, ни предъ кѣмъ не сдерживаетъ сильной проповѣди, но всѣмъ говоритъ равное и, если нужно, рѣзкое слово. Въ исторіи мы видимъ много искусныхъ, но слабыхъ волею, проповѣдниковъ: они большею частію воскуряютъ ошміамъ знатнымъ и сильнымъ, и закрываютъ глаза отъ ихъ слабостей и пороковъ. Если казнить они своимъ словомъ, то казняютъ ту низкую и презрѣнную толпу, которой нечего бояться, и которой нужно скорѣе слово утѣшенія и ободренія, чѣмъ суроваго обличенія; но предъ людьми высшими они раскрываютъ свои уста или для хвалы и величанія, или для общихъ разглагольствій, никого не задѣвающихъ и теряющихся въ воздухѣ. Какъ не похожъ на нихъ великій Іоаннъ! Желая обратить строитное въ правое и острое въ путь гладкій, по пророчеству Исаи, онъ преслѣдуетъ пороки и уклоненія отъ закона вездѣ, на всѣхъ попрницахъ жизни, и въ своихъ строгихъ обличеніяхъ не щадитъ никого, ни черни, ни богатыхъ, ни знатныхъ, ни ситыхъ. Ему даже казалось нужнѣе направлять свое слово на тѣхъ, которые, бывъ поставлены на верху общества, своимъ развращеніемъ могли соблазнять обыкновенный народъ, чѣмъ на людей простыхъ и невидныхъ. И вотъ Иродъ и своею частною жизнію, и своимъ управленіемъ вызываетъ у него сильное противъ себя слово. Какъ посланникъ Божій, онъ его обличаетъ также смѣло, какъ и послѣдняго раба,—и при этомъ имѣть у него робкой мысли о томъ, что съ нимъ будетъ за

это смѣлое слово. Онъ исполняетъ свое служеніе, а гнѣвъ сильныхъ, темница, казни для него какъ бы не существуютъ. Съ различнымъ чувствомъ выслушивалъ Иродъ проповѣдь св. Іоанна,—то онъ умилялся и смягчался отъ нея, *въ сладость его послушаніе* (Марк. VI, 20), то спѣшилъ выполнять совѣты и наставленія Іоанна, то приходилъ въ какой-то робкій страхъ, сознавая неподкупную святость и нравственное величіе чело-вѣка Божія и видя силу его у народа, то воспламенялся гнѣвомъ и грозилъ Іоанну тѣмъ, другимъ, третьимъ. Проповѣдь, значить, достигала своей цѣли, и сильна была для того, чтобы преклонять себѣ земное могущество и возвращать его на путь правды и закона, въ случаяхъ уклоненія его съ этого пути. Но Иродъ, имѣющій въ исторіи печальную извѣстность, если и слушалъ Іоанна, не перемѣнилъ отъ его слова своего злаго нрава. Проповѣдь св. Іоанна сдерживала иногда порывъ его страстей, перазъ вынуждала у него добрыя дѣла, но не пересоздала его. Въ борьбѣ разнообразныхъ и противоположныхъ чувствъ, съ какими Иродъ относился къ св. Іоанну и выслушивать его обличенія, сила зла взяла перевѣсъ надъ силою добра, и мы видимъ въ темницѣ того проповѣдника, котораго самъ Иродъ считалъ мужемъ праведнымъ и святымъ. Обличеніе въ грубомъ и соблазнительномъ нарушеніи законовъ о семейной святости вызвало у Ирода такую неправду по отношенію къ св. Іоанну (Марк. VI, 17). Иродъ возмимѣлъ сильную страсть къ Иродіадѣ, женѣ брата своего Филиппа, родившагося отъ другой матери, приходившейся притомъ ему племянницею (она была дочь брата его Аристоула). Онъ убѣдилъ ее оставить своего мужа, пріѣхать къ нему въ домъ и вступить съ нимъ въ супружество, и съ своей стороны обѣщавшись удалить отъ себя свою первую жену, дочь царя ара-війскаго Ареты. Чѣмъ больше могла тревожить Ирода его

совѣсть за такое явное беззаконіе, тѣмъ тяжелѣе и непріятнѣе ему были смѣлые упреки великаго мужа. Арестомъ или темничнымъ заключеніемъ Іоанна Иродъ думалъ оградить себя отъ того голоса, который будилъ его дремавшую совѣсть. Но и изъ темницы достигалъ до его слуха обличающій голосъ. Иродъ въ смущеніи и нерѣшительности: онъ боится поднять руку на пророка Божія; потому что чувствуетъ, что съ нимъ и въ немъ живетъ сила Божія. Но выѣшалась въ дѣло жена, и нерѣшительность мужа пала предъ ея наущеніями и хитростію. Злобясь на Іоанна за обличенія его, Иродіада часто побуждала Ирода дать повелѣніе объ убіеніи докучавшаго ему проповѣдника. Но въ спокойномъ состояніи Иродъ имѣлъ силу отказывать женѣ въ исполненіи преступнаго ея намѣренія. Но для Иродіады насталъ удобный день, когда Иродъ; по случаю дня своего рожденія, дѣлалъ пиръ вельможамъ своимъ и старѣйшинамъ галилейскимъ,—и здѣсь среди пира у упоеннаго виномъ и страстію Ирода нечестивая жена выпросила какъ награду кровавое приказаніе объ убіеніи Іоанна послѣ того, какъ Иродъ съ клятвою обѣщалъ ее дочери, угодившей ему своимъ плясаніемъ, дать все, чего она ни попроситъ, даже до половины его царства (Марк. VI, 19—29). Но когда Иродъ услышалъ нежданную просьбу объ отсѣченіи главы Іоанна Крестителя отъ той, которой безъ сожалѣнія готовъ былъ дать половину своего царства, онъ сдѣлался прискорбень и не могъ освободиться отъ давящихъ его чувствъ. Связанный клятвою, онъ не посмѣлъ отказать просительницѣ; но внутренній голосъ говорилъ ему, что, ратуя противъ Іоанна, онъ ратуетъ противъ силы Божіей, и онъ до конца жизни не преставалъ бояться и умершаго Іоанна, и ждалъ себѣ мщенія небеснаго за совершенное надъ Іоанномъ Крестителемъ злодѣяніе. Потому, когда слышалъ онъ о чудесныхъ дѣлахъ

Господа Иисуса Христа, онъ говорилъ: это Иоаннъ, котораго я обезглавилъ; онъ воскресъ изъ мертвыхъ (Марк. VI, 14. 16) ¹⁾.

VI. Послѣ нашихъ замѣчаній у читателя, вѣроятно, уже слагается представленіе о нравственномъ характерѣ св. Іоанна Крестителя, какъ проповѣдника. Образъ строгій, суровый и энергическій! Въ его словѣ мало мягкаго, ласкающаго элемента; въ немъ слышится строгая и жесткая проповѣдь, сильная и привлекательная своєю правдою и энергією. Когда онъ

¹⁾ Іосифъ Флавій не съ такою подробностію и опредѣленностію, какъ евангелисты, говоритъ о убійствѣ Іоанна Крестителя. Но его свидѣтельство объ этомъ не расходится существенно съ евангельскимъ сказаніемъ. О смерти Іоанна Крестителя онъ упоминаетъ при разсказѣ о войнѣ Ирода съ Аретой, царемъ арабійскимъ, и главною причиною этой войны представляетъ оскорбленіе, нанесенное Иродомъ дочери Ареты, бывшей первою его женою. Готовясь къ этой войнѣ, Иродъ заключилъ Іоанна въ темницу и потомъ лишилъ жизни, по догадкѣ Флавія, изъ опасенія, чтобы «вліяніе этого мужа не привело къ отступленію отъ него его подданныхъ, которые готовы были сдѣлать все по его совѣту. Онъ разсудилъ, за благо, прежде нежели произойдетъ въ народѣ какое нибудь возмущеніе, лучше лишить Іоанна жизни, нежели самому, подвергшись какому нибудь бѣдствію, послѣ бесполезно раскрываться». Такимъ образомъ причину темничнаго заключенія и потомъ смерти Іоанна Крестителя Іосифъ Флавій всецѣло приписываетъ безпокойству и подозрительной робости Ирода. Иродъ видѣлъ, что народъ соблазняется его супружествомъ съ Иродіадою и удаленіемъ его первой законной жены; онъ понималъ въ тоже время, что обвиненія Іоанна Крестителя, каковыя этогъ праведный мужъ вразумлялъ соблазнявшаго народъ беззаконнаго царя, могутъ усилить недовольство народа, не могшаго мириться съ явнымъ нарушеніемъ святости семейныхъ законовъ. И вотъ, когда отецъ изгнанной или убѣждавшей жены Ирода грозилъ ему войною, Иродъ естественно сомнѣвался, на его ли сторонѣ въ этомъ случаѣ будетъ сочувствіе народа, и захотѣлъ ли этотъ народъ защищать его. При этомъ безпокойная совѣсть и расчеты робости побуждали виновнаго царя къ насилию противъ того, кто хотѣлъ примарить его съ народомъ, убѣждая его прекратить преступную и соблазнительную связь съ Иродіадою.—Въ войнѣ съ Аретой, въ одномъ жестокомъ сраженіи войско Ирода побито было на голову. И тогда думая, по замѣчанію Флавія, что дурнаго Ирода, который былъ наказанъ ему отъ Бога въ отмщеніе за смерть Іоанна Крестителя (Іуд. др. Кн. 18, гл. V, 1. 2).

обличаетъ, онъ не ищетъ успокоивающихъ, бальзамныхъ, на-
шихъ свѣтскихъ выраженій и полуднамекохъ, а говорить прямо,
не стѣняясь обращаетъ къ людямъ тяжеловѣсныя слова, въ
родѣ: порожденія эхидновы! кто сказалъ вамъ бѣжать отъ
грядущаго гнѣва? Болѣзнь была сильна; и врачъ не хочетъ
обманывать и оболыцать больного; онъ съ строгою, даже съ
суровою миною даетъ ему острое лекарство, предлагаетъ
тяжелую операцію, и въ этомъ случаѣ не разбираетъ ни званія,
ни состоянія, ни пола, ни возраста. Сердце его наболѣло,
и онъ не видитъ возможности безъ крайнихъ мѣръ и суровыхъ
словъ вывести уснувшій нравственный народъ изъ его
несчастнаго нравственнаго положенія. Самъ онъ жизни без-
упречной, нравственности самой строгой; постъ и молитвенныя
дѣянія его и его учениковъ извѣстны всѣмъ, кому только
знакомо имя Іоанна. Потому на него никто не посмѣетъ обра-
тить хоть часть того упрека, какой онъ относитъ къ своимъ
слушателямъ.—Строгость и жесткость видна не только въ
выраженіяхъ, но и въ содержаніи проповѣди Іоанна. Онъ гово-
ритъ о казни, о конечномъ отверженіи тѣхъ людей, которые
ждали себѣ избавителя и считали себя избранными и особенно
любимыми Богомъ, и въ этихъ мысляхъ мало заботились о
нравственной чистотѣ и добродѣтели. Этотъ сильный и стро-
гій голосъ нуженъ былъ для пробужденія тогдашнихъ поколѣ-
ній. Другаго рода слово могло бы пропасть безслѣдно, и
остаться безъ дѣйствія на народъ.

Это строгое слово—выраженіе энергіи характера и силы
воли. Съ этою энергическою силою соединяется кипучая фан-
тазія, блестящая образами. Молодой аскетъ проповѣдникъ не
былъ человекомъ холоднаго разсудка; съ холоднымъ разсуд-
комъ человекъ сидитъ въ кабинетѣ, и не выступаетъ на обще-
ственное слово. Его душа живымъ вмѣщала въ себѣ цѣлый
міръ; даже въ то время, когда онъ ходилъ по пустынѣ и

послался съ своею думою, эта дума не была жидкимъ, безжизненнымъ отвлеченіемъ. Она имѣла въ виду практику жизни, къ ней направлялась, и въ головѣ пустытника облекалась въ пеструю одежду радужныхъ образовъ. Пустытники, говорятъ, всегда люди болѣе или менѣе сильнаго воображенія, которымъ не скучно въ своемъ собственномъ душевномъ кругѣ, и пустыня въ свою очередь своимъ постояннымъ нашептываніемъ и чарующимъ вліяніемъ еще больше возбуждаетъ пламенную дѣятельность этого воображенія. Потому въ нихъ, въ ихъ положеніи, въ ихъ рѣчи всегда много поэтического. Съ природою сживается человѣкъ и говорить ея образнымъ языкомъ. Такимъ, по крайней мѣрѣ, былъ Іоаннъ Креститель, отъ силы ли его кипучей натуры, или отъ вліянія пустыни. Смотрите, не многое передали намъ евангелисты изъ его рѣчи, по въ этомъ не многомъ какая полнота образовъ, какая радужная и поэтическая одежда! Убѣждая народъ искренно покаяться и исправиться, онъ говорить съ угрозою: «уже и сѣкира при корнѣ деревь лежитъ: всякое древо, не приносящее добраго плода, посѣкають и въ огонь бросаютъ». Онъ изображаетъ Мессію и его дѣйствія, и—новый образъ: «у Него лопата въ рукѣ, и Онъ очищаетъ гумно свое, собираетъ пшеницу въ житницу свою, а солому сожжетъ огнемъ неугасимымъ!» Онъ указываетъ свое отношеніе къ Нему и изображаетъ Его такимъ сильнымъ и великимъ, у котораго онъ не достоинъ разбѣшить ремень Его сандалій. Другой разъ на вопросъ своихъ учениковъ о Спасителѣ, уже начавшемъ свои дѣйствія и возбудившемъ нѣкоторую ревность въ приверженцахъ Крестителя, онъ отвѣчаетъ: *имѣяй невесту, женихъ есть: а друзъ жениховъ стоя и послужая его радостію радуется за гласъ жениховъ. Сія убо радость моя исполнися. Оному подобаетъ расти, мнѣ же малитися* (Іоан. III, 29. 30). Вообще, что ни слово отъ Іоанна, то образъ и картина, и еванге-

листы своими немногими выдержками изъ рѣчей Іоанна, имѣющими оригинальный, своеобразный и всегда вѣрный себѣ характеръ, ясно даютъ понять желающему коренныя отличительныя ихъ свойства.

Когда мы, при мысли объ Іоаннѣ Крестителѣ, обращаемся въ исторіи, и ищемъ въ ней подобныхъ ему дѣятелей слова,—во всей совокупности историческихъ лицъ намъ представляются три выдающіеся типа, родственные между собою и по своей натурѣ, и по дѣятельности, и по той внѣшней судьбѣ, какую они испытали. Читатель, можетъ быть, догадывается, кого мы хотимъ назвать. Это именно св. Іилія, самый замѣчательный изъ ветхозавѣтныхъ пророковъ,—св. Іоаннъ Креститель, самый большій изъ рожденных женами, стоящій на распутии двухъ эпохъ, служащій предтечею божественнаго Учителя человечества и Спасителя міра,—и наконецъ св. Іоаннъ Златоустъ, одинъ изъ самыхъ сильныхъ и славныхъ проповѣдниковъ христіанской церкви. Всѣ трое аскеты и подвижники; всѣ трое любили пустыню и находили въ ней особенное услажденіе. У всѣхъ трехъ душа была сильная и незавидимая, характеръ энергическій и непреклонный, фантазія богатая и пылкая. Всѣ трое хотѣли поднять своимъ энергическимъ словомъ упавшій уровень народнои нравственности, и смѣло выступали на борьбу съ противоборствующими имъ силами. И, какъ нарочно, въ періодъ дѣятельности каждаго изъ нихъ около трона являлась развращенная царица, съ которою, конечно, не мирились аскеты—проповѣдники, и которая воздвигала на нихъ гоненіе и доводила ихъ до темницы, изгнанія или ссылки. Іилія ратовалъ съ лживыми пророками Ваала, обличалъ Іезавель и былъ гонимъ ею. Іоаннъ Креститель говорилъ сильное слово на саддукеевъ и фарисеевъ,—представителей современной ему нравственности и религіозной науки, обличалъ Ирода и Иродіаду, и потерпѣлъ темнич-

ное заключеніе, а потомъ и смерть отъ обличившей властительницы. Іоаннъ Златоустъ напалъ на развращенное высшее общество константинопольское, на испорченное духовенство, усиленное богатствомъ и ласками двора и вельможъ, и встрѣтилъ себя врага въ развращенной Евдоксіи, которой онъ не щадилъ въ своихъ строгихъ обличеніяхъ. Сила божественнаго полномочія воздвигала великихъ проповѣдниковъ на борьбу съ развращеніемъ своего времени, и содѣйствіе высшей помощи поддерживало ихъ, когда противъ нихъ возставала земная власть и вѣшнее могущество, и ихъ слову давало неумолимую строгость. Но голосъ Божій находилъ отраженіе въ голосѣ народа, и народъ большимъ почтеніемъ окружалъ ревнителей вѣры и благочестія, возбуждавшихъ противъ себя гоненія сильныхъ земли. Ахазъ, одинъ изъ наиболѣе сильныхъ израильскихъ царей, распорядившись всѣми средствами земнаго могущества, трепещетъ имени Іліи, пророка, ничѣмъ невладеваемаго, кромѣ силы своего слова, отступаетъ предъ нимъ въ открытомъ составаніи, и чувствуетъ, что онъ оскорбляетъ народъ, когда поднимаетъ противъ него гоненіе. Іоанна Крестителя, такого же строгаго ревнителя, каковымъ былъ Ілія, Народъ долго соблюдалъ, т. е., долго не рѣшался сдѣлать съ нимъ какое либо насиліе,—и въ этомъ случаѣ много значило предъ нимъ необычайное вліяніе Іоанна на народъ, который всецѣло преданъ былъ своему учителю и готовъ былъ слушаться его во всемъ. Іоаннъ Златоустъ слишкомъ много любви и преданности видѣлъ у толпы бѣдныхъ и незнатныхъ, которая готова была все отдать за него. Когда Евдоксія ссылаетъ его изъ Константинополя, народъ возмущается изъ-за него, и устрешенные Аркадій и Евдоксія униженно просятъ изгнанника возвратиться на свою кафедру. Другой разъ изгоняютъ Златоуста,—народъ стережетъ его, не хочетъ съ нимъ разстаться и съ угрозами идетъ во дворецъ требовать себя сво-

его архипастыря, и еслибы не покорность Златоуста, Константинополь не избѣжалъ бы кровопролитія. — Сближенія наши не высканы произвольно: въ одной половинѣ, по отношенію къ предшественнику Іоанна Крестителя, они указаны были мнѣніемъ современниковъ и подтверждены евангеліемъ. Духъ и силу Іліи предвозвѣстилъ въ Іоаннѣ Крестителѣ архангелъ, благовѣстовавшій Захарію о рожденіи отъ него сына (Лук. 1, 17), и самъ Спаситель сказалъ о немъ, что онъ Ілія, котораго ожидали и который долженъ былъ прійти, предъ явленіемъ Мессіи (Мат. XI, 14). Изъ одной стороны мы только продолжали это сближеніе въ другую, и изъ представителей христіанской церкви, чтившихъ память великаго проповѣдника покаянія, самъ собою рядомъ съ именемъ Іоанна Крестителя становится энергическій и сильный образъ сомненнаго ему пастыря—проповѣдника антиохійской, а потомъ константинопольской церкви.

УП. Значительную часть проповѣди св. Іоанна Крестителя составляетъ проповѣдь о приближеніи царства небснаго и о Мессіи. Мысль о Мессіи и его царствѣ носилась въ воздухѣ того времени, и была общою мыслию и общимъ чаяніемъ всего народа израильскаго. Когда возвыщались и раскрывались эту мысль св. Іоаннъ Предтеча, онъ становился, такъ сказать, въ самомъ средоточіи своего общества, и затрогивалъ его думы и надежды. Точка соприкосновенія между проповѣдникомъ и его слушателями была здѣсь самая близкая и тѣсная. Что же собственно новаго, оригинальнаго внесъ въ эту народную мысль св. Іоаннъ Предтеча? Какъ изображалъ онъ Мессію и Его царство?

Мы уже говорили, что онъ грубымъ, чувственнымъ возрѣніемъ и надеждамъ израильскаго народа противопоставлялъ взглядъ на Мессію болѣе внутренний и широкій, и ожидаемому

царству его придавалъ духовный, нравственный характеръ. Онъ ожидалъ отъ Мессіи нравственнаго дѣателя необычайной силы, съ высшимъ божественнымъ полномочіемъ, съ властію, какой не можетъ имѣть простой смертный человѣкъ. Заслышавъ о проповѣди и дѣлахъ Іоанна, чающій народъ думалъ, не Мессія ли онъ (Лук. III, 15): Іоаннъ говоритъ на это, что «Мессія скоро придетъ, и что Онъ несравненно выше его. Я крещаю васъ водою, а Онъ будетъ крестить Духомъ Святымъ и огнемъ. Я только приготавливаю путь для Него: *Я гласъ вопіющаго въ пустыни; уготовайте путь Господень; прѣпутья творите стези Его* (Лук. III, 4). Я приготавливаю васъ къ пришествію высшаго Властителя, и говорю вамъ, что васъ постигнетъ отверженіе и гибель, если вы не покаетесь и не перемѣните жизни. Вышній Властитель очиститъ гумно свое, пшеницу соберетъ въ житницу свою, а солому сожжетъ огнемъ неугасимымъ» (Лук. III, 17).—Такими и подобными представленіями поучалъ своихъ современниковъ Іоаннъ Креститель касательно Мессіи, тогда всѣми призываемаго и ожидаемаго. Намъ понятною становится ихъ высота и святость, когда мы вспоминаемъ, какъ узки и плотны были въ этомъ случаѣ ожиданія іудеевъ, подсказываемы имъ фанатизмомъ угнетеннаго и не очищеннаго національнаго чувства. И кто не видитъ ихъ божественной правды? Откровеніе Духа Божія укрѣпляло и освящало ихъ въ сознаніи великаго Предтечи Господня, и новозавѣтная исторія показала исполненіе предсказаній св. Іоанна.

Но пытливость человѣческая иногда внушаетъ изслѣдователямъ прошедшаго, можетъ быть, излишнее дерзновеніе приподнимать самыя таинственныя покровы съ священныхъ судебъ и дѣателей исторіи. Благочестивое чувство, предавшись этой пытливости, съ благоговѣйнымъ трепетомъ приступаетъ къ уясненію, какъ божественное соединяется съ человѣческимъ,

не нарушая его самостоятельности, и изслѣдующая мысль 'сидится оживить предъ собою человѣческую дѣятельность сознанія св. Іоанна, просвѣщаемого Духомъ Божиимъ.—Въ этомъ отношеніи мы не можемъ представлять одну страдательную восприимлемость сильнаго и свѣтлаго сознанія, безъ самодѣтельности подчиняющуюся внушеніямъ свыше; не можемъ также допускать въ немъ жесткой неподвижности, при которой бы мысль безъ перемѣны стояла на одной точкѣ, безъ малѣйшихъ порываній впередъ, безъ желанія болѣе и болѣе уяснить себѣ предметъ всеобщихъ ожиданій. Напряженная дѣятельность высшего ума призывала къ чистой душѣ небесное откровеніе, но и послѣ полученныхъ откровеній въ ней не прекращался, а только усиливался, при содѣйствіи благодати, духовный трудъ,—непремѣнное условіе плодотворнаго явленія великихъ людей въ царствѣ Божиимъ. То царство Божіе, о приближеніи котораго проповѣдывалъ Іоаннъ, 'скрывалось отъ него въ предѣлахъ будущаго, всегда полнаго таинственной темноты, и онъ не могъ созерцать его съ такою ясностію, съ какою открывалась предъ нимъ и открывается предъ нами широта настоящаго со всеми его подробностями. Лучи свѣта Божія, ему сообщеннаго, озарили предъ нимъ таинственную область будущаго, и давали ему возможность видѣть выдающіяся здѣсь точки такъ ясно, какъ не могъ видѣть ихъ ни одинъ изъ его современниковъ. Но это было во всякомъ случаѣ сіяніе денницы предъ солнцемъ, и свѣтъ этой денницы—полумракъ въ сравненіи съ яркимъ свѣтомъ наступившаго дня. Изъ людей, по слову Господа, никто не обладалъ такимъ величіемъ ума и силы, какое даровано было св. Іоанну Крестителю; но благодать, принесенная на землю Іисусомъ Христомъ, восполнила немощи искушеннаго человѣчества, и въ слѣдствіе этой благодати, хранимой и раздаваемой въ церкви Божіей, взгляду христіанина, слышавшаго и усвоившаго себѣ

ученіе Христово, видно болѣе въ небесномъ царствѣ, основанномъ нашимъ Спасителемъ, чѣмъ сколько указывалъ здѣсь Предтеча Господень, издавша пріѣздъ въ день искупленія. *Аминь малому вамъ* (говорилъ Господь и Спаситель нашъ), *не воста въ рожденныхъ женами болій Іоанна Крестителя: мній же во царствіи небесныхъ болій еси есть* (Матѣ. XI, 11). Т. е., намъ, меньшимъ членамъ царства Божія, открытаго нашимъ Спасителемъ, болѣе ясны судьбы этого царства, чѣмъ сколько ясны онѣ великому пророку, предрекавшему явленіе этого царства, и больше дано благодатныхъ просвѣщающихъ и спасающихъ средствъ, чѣмъ сколько предлагала Іоанну Крестителю ветхозавѣтная церковь, его воспитавшая.—Личныя святая желанія непреклоннаго ревнителя правды и добродѣтели невольно и незамѣтно могли приражаться къ откровеніямъ свыше о дѣйствіяхъ Мессіи; и представленіямъ о Немъ они могли давать болѣе опредѣленное содержаніе, чѣмъ какое указано имъ небеснымъ внушеніемъ. Въ слѣдствіе этихъ личныхъ стремленій энергической воли, св. Іоаннъ Креститель могъ ожидать больше видимыхъ проявленій божественной власти отъ проповѣдуемаго имъ Мессіи, больше властительскихъ распоряженій, наглядныхъ и осязательныхъ, чѣмъ сколько открылъ ихъ божественный Основатель царства Божія, возраставшаго не замѣтно изъ святыхъ сѣмянъ, тихо посѣянныхъ въ нравственную почву человечества. Проповѣдуемое Іоанномъ царство небесное—царство правды и добродѣтели, но желанія ревниваго сердца могли призывать, при основаніи этого царства, наглядное очищеніе народа, избраніе въ новое царство добрыхъ и пріготовленныхъ къ нему и отверженіе злыхъ и глухихъ къ слову истины. Руководимый Духомъ Божиимъ, св. Іоаннъ Креститель узналъ и указалъ своимъ ученикамъ Агнца Божія, вземающаго грѣхи міра (Іоан. I, 29—35), еще прежде явленія Его съ силою

слова и чудеса во Израили. Но со времени первого указанія Іоанна на явившагося Мессію, не замолкала въ немъ мысль объ этомъ Исполнителѣ всѣхъ ветхозавѣтныхъ пророчествъ. Съ нею жилъ онъ, ею питалъ и утѣшалъ себя, и всѣ, открывшіяся предъ нимъ или доходявшія до его слуха, чудныя дѣянія нашего Спасителя производили разнообразныя колебанія и вызывали соотвѣтственный себѣ отзвукъ, какъ въ туго натянутой струнѣ, въ напряженномъ духовномъ организмѣ Предтечи Господня. Какъ къ магниту, влеклись къ исполненію предсказаній Крестителя всѣ его помыслы, надежды и желанія. Когда былъ уже въ темницѣ Іоаннъ и предвидѣлъ свой близкій конецъ, онъ слышитъ о дѣлахъ Христовыхъ и посылаетъ къ Нему двухъ учениковъ своихъ спросить Его: *Ты ли еси Ісусъ Христе, или иного чаемъ?* (Матѣ. XI, 2. 3; Лук. VII 18. 19). Намъ кажется этотъ фактъ очень знаменательнымъ. Благочестивое чувство объясняетъ этотъ вопросъ Іоанна Спасителю тѣмъ, что онъ сдѣланъ былъ для убѣжденія учениковъ Іоанна и всего народа въ божественномъ достоинствѣ Ісуса Христа. Но ни тексту Евангелія, ни благоговѣнію къ имени Іоанна Крестителя не противно и другое изъясненіе, которое въ отвѣтъ Ісуса Христа ученикамъ Іоанна видитъ послѣднее предсмертное откровеніе самому Іоанну. Личныя желанія Іоанна могли ожидать другаго болѣе рѣнительнаго образа дѣйствій Мессіи, другаго болѣе нагляднаго осуществленія новаго царства Божія. Они могли въ разныя времена, подъ вліяніемъ такихъ или другихъ обстоятельствъ, нѣсколько не колебля его вѣры въ божественное достоинство Ісуса Христа, тревожить спокойствіе его ожиданія. Читатель помнитъ отвѣтъ, данный Господомъ Іисусомъ Христомъ ученикамъ Іоанновымъ: *идите возвестите Іоаннови, яже слышите и видите. Слепѣи провидяють, и хроми ходяють, прокаженные очищаются, и слухомъ слышатъ, мертвыи востаютъ, и всяции благоденствуютъ.*

И блаженъ есть, иже аще не соблазнится о Мнѣ (Мат. XI, 4—6). Отвѣтъ не прямой, но слишкомъ многосодержательный для человѣка глубокой мысли. Онъ показываетъ необычайныя дѣйствія, видимыя вокругъ Іисуса, но дѣйствія чисто-правственныя, состоящія въ благотвореніяхъ страждущему человечеству. Въ этихъ дѣйствіяхъ указывается недосягаемое для человѣка величіе божественной силы, и въ тоже время представляется духовный характеръ ея, чуждый всего внѣшняго и юридическаго. Царство небесное, по этимъ дѣйствіямъ,—царство великое, сильное и спасительное для человечества; но оно не похоже на видимыя царства, опирающіяся на внѣшнія учрежденія, не стоитъ въ параллели съ ними и не имѣетъ стремленія стѣснять и отмѣнять ихъ. Неся спасеніе человѣку, оно не пріидетъ съ соблюденіемъ, и не будетъ окружено внѣшнимъ шумомъ. Такими указаніями Спаситель давалъ удовлетвореніе пламеннымъ желаніямъ Іоанна, призывавшаго скорѣйшее явленіе новаго царства и какъ бы побуждавшаго Іисуса Христа скорѣе объявить Себя Мессіею предъ всѣмъ народомъ, и вмѣстѣ съ этимъ въ этихъ указаніяхъ сообщалась сила, направляющая эти желанія къ самой чистой высотѣ боговѣдѣнія. Сидя въ темницѣ, видя свое служеніе исполненнымъ и собираясь оставить свою земную жизнь, св. Іоаннъ Креститель неотступною мыслию слѣдитъ за Тѣмъ, чьимъ Предтечею ему предназначено было явиться. Въ дѣлахъ Его, о которыхъ разносится молва по всей Іудеѣ и Галилеѣ, нѣтъ рѣшительности, и благодѣяющій народу небесный Учитель не объявляетъ Себя прямо обѣтованнымъ избавителемъ. Характеръ энергическій, самоотверженно жертвовавшій всѣмъ правдѣ и смѣло выступавшій на борьбу со всякою силою, онъ едва сдерживаетъ порывы своей покорной, но огненной души, при видѣ той медлительности, съ какою Господь Іисусъ Христосъ открываетъ прямое мессіанское свое

назначеніе людямъ, ждущимъ отъ Него избавленія. Вопросы не сомнѣнія, но недоумѣнія волнуютъ его сознаніе, и онъ посылаетъ къ Спасителю двухъ своихъ учениковъ, чрезъ нихъ отдастъ на судъ божественнаго Учителя свое собственное сердце, и получаетъ отъ Него отвѣтъ, который запечатлѣлъ его прежнюю вѣру и очистилъ его воззрѣнія отъ всякой примѣси личныхъ желаній. Послѣ этого послѣдняго откровенія, послѣ того, какъ ученики передали ему то, что *поручилъ возвестить Иоанну* (Матѣ. XI, 4. Лук. VII, 22) Господь Іисусъ Христосъ, Іоаннъ Креститель умеръ полнымъ христіаниномъ.

Но какъ предположить въ человѣкѣ такой необычайной силы и высшаго небеснаго просвѣщенія иѣкоторую неясность представленія о будущемъ, внутреннюю борьбу сознанія и раздвоеніе его личныхъ желаній съ указаніями свыше? Такое предположеніе кажется рѣзкимъ напряженному догматическому воззрѣнію. Но едва ли не напрасна въ этомъ случаѣ щеколтивость напряженнаго воззрѣнія. Мы цѣнимъ тѣ благочестивыя побужденія, по которымъ благоговѣнное чувство устраняетъ все земное изъ драгоцѣннаго и любезнаго образа, и нисколько не думаемъ тревожить ихъ, если въ драгоцѣнномъ образѣ, поражающемъ насъ своимъ величіемъ, указываемъ частныя черты, уясняющія намъ его внутреннее сложеніе и не умаляющія его силы и святости. Всѣ великіе и святые люди, пока жили въ мірѣ, подчинены были условіямъ земнаго бытія, и человѣческій элементъ въ нихъ не стѣсненъ, не подавленъ былъ избыткомъ благодати, имъ сообщаемой; напротивъ онъ только возвышался и укрѣплялся отъ дѣйствія этой благодати. И мы не возвысили бы, а унизили бы достоинство прославленнаго богопросвѣщеннаго мужа, еслибы представляли его безвольнымъ и какъ бы бездѣятельнымъ орудіемъ высшаго откровенія, еслибы не хотѣли видѣть въ немъ внутренней напряженной работы, внутренняго восхожденія отъ силы въ

силу. Вѣра религіозная не есть простое холодное логическое знаніе: такихъ истинъ, какъ та, что дважды два четыре, человекъ достигаетъ безъ всякой борьбы, и знаніе ихъ, всегда одинаковое, не производитъ въ душѣ никакихъ видоизмѣненій;—при этомъ знаніи душа можетъ стоять спокойно и неподвижно. Вѣра религіозная есть подвигъ и заслуга; этотъ подвигъ доступенъ человеку при трудовомъ участіи воли и всѣхъ силъ души: иначе это будетъ вѣра не живая, а мертвая, чужая. Достигая этого подвига, человекъ достигаетъ такой нравственной высоты, на которой душа стоитъ уже какъ бы между небомъ и землею, и свои низшія желанія подчиняетъ желаніямъ высшимъ, божественнымъ. Съ его стороны нужно постоянное напряженіе, чтобы удержаться на этой высотѣ, чтобы не ниспасть съ нея, а напротивъ съ одной степени переходить на другую, болѣе высшую. Міръ и святыхъ людей, удостоившихся благодатнаго откровенія, окружаетъ своими вліяніями, когда они возрастаютъ въ немъ, какъ святое избранное сѣмя: предъ ихъ просвѣщеннымъ умомъ онъ разстилаетъ свои тѣни; ихъ волѣ онъ подставляетъ камни преткновенія и соблазна, ихъ сердцу онъ представляетъ свои утѣхи и обольщенія. Святые люди побѣждаютъ эти вліянія и возвышаются надъ ними; но побѣда предполагаетъ борьбу, и вѣщцы славы даются не даромъ. Нашъ глазъ поражается свѣтомъ откровенія, озаряющимъ св. Іоанна Крестителя; но этотъ свѣтъ не сожигаетъ, а воспаляетъ его: откровеніе не тяготило насильно его духа, и не уничтожало естественной дѣятельности его мысли и сознанія. Колебанія вѣрующей души встрѣчаются часто и въ мірѣ христіанскомъ, при полномъ свѣтѣ солнца правды. Св. Іоаннъ Креститель несравненно выше всѣхъ насъ; но онъ стоялъ на границѣ между двумя мірами, и новый міръ мерцалъ предъ нимъ какъ бы въ утреннемъ полу-

мракѣ,—быть міромъ надеждъ и ожиданій, а не явившейся дѣйствительности.....

VIII. Какою авторитетъ имѣлъ св. Іоаннъ Креститель у своихъ современниковъ? И какіе были плоды его проповѣди? Но не многимъ указаніямъ, до насъ дошедшимъ, мы видимъ, что сила его духа и слова производила необыкновенное впечатлѣніе на современныя ему поколѣнія. Іосифъ Флавій свидѣлствуетъ, что «народъ, восхитенный его ученіемъ, стекался къ нему въ великомъ множествѣ,... и что власть этого мужа была такъ велика надъ іудеями, что они готовы были сдѣлать все по его совѣту, и что самъ Иродъ царь боялся этой власти великаго учителя надъ своими подданными, видѣлъ, что они скорѣе послушаются Іоанна, чѣмъ его самого, и потому въ безпокойствѣ за собственную власть заключилъ его въ темницу»¹⁾.—По словамъ евангелистовъ (Марк. I, 5; Матѣ. III, 5. 6) къ нему выходила въ пустыню вся іудейская страна и іерусалимляне, и крестились отъ него, исповѣдуя грѣхи свои. Онъ сдѣлался такимъ образомъ, предъ явленіемъ Мессіи, самымъ виднымъ общественнымъ дѣтелемъ и такимъ вліятельнымъ учителемъ, какихъ рѣдко представляетъ исторія. Вокругъ него образовался союзъ избранныхъ учениковъ, которымъ онъ давалъ наставленія и правила жизни болѣе строгія, чѣмъ прочему народу. Ихъ онъ научалъ молиться особеннымъ образомъ или учреждалъ для нихъ особенныя молитвенныя бдѣнія, и это побудило учениковъ Спасителя просить Его, чтобы Онъ и ихъ также научилъ молиться, какъ Іоаннъ научилъ своихъ учениковъ (Лук. XI, 1). Они постились больше другихъ людей, и возлагали на себя особенныя аскетическіе подвиги, и въ этомъ случаѣ ихъ противопоставляли учени-

¹⁾ Лук. древн. Кн. 18, гл. V.

камень Иисуса Христа (Матѣ. IX, 14), и Спаситель нашъ нашеть нужнымъ защищать своихъ учениковъ предъ народнымъ мнѣніемъ въ томъ, что они не постыжся, подобно ученикамъ Іоанновымъ (Матѣ. IX, 15)... Въ народѣ образовалось благоговѣйное уваженіе къ имени и дѣятельности Іоанна. Всѣ поражались необычайно его словомъ и его подвигами, и у всѣхъ на умѣ при этомъ таилось помышленіе: не Христосъ ли, не обѣщанный ли Мессія этотъ великій посланникъ Божій (Лук. III, 15)? И многіе лично высказывали св. Іоанну свои чуждія и помышленія, на него возлагаемыя. Народное мнѣніе возводило членовъ духовнаго правительства, и синедріонъ послалъ изъ Іерусалима парочито въ пустыню іерусевъ и левитовъ спросить Іоанна: *ты кто еси? И исповѣда, и не отвержеся: и исповѣда, яко нѣсмь азъ Христосъ. И вопросиша его: что убо? Или ли еси ты? И глагола: нѣсмь. Пророкъ ли еси? И отвѣща: ни. Рѣша же ему: кто еси? Да отвѣтъ дамы пославшимъ ны: что глаголющи о тебѣ самозъ* (Іоан. I, 19—22)? Люди всѣхъ сектъ безъ различія стремились къ нему, и св. Іоаннъ въ числѣ приходящихъ къ нему на крещеніе видѣлъ многихъ фарисеевъ и саддукеевъ (Матѣ. III, 7). И самъ Господь Иисусъ Христосъ свидѣтельствуетъ, что фарисеи *малое время* хотѣли порадоваться при свѣтѣ его (Іоан. V, 35). Но это было дотолъ, доколѣ проповѣдь Іоанна не касалась ихъ лично, а держалась общихъ обличеній. Въ исторіи св. Іоанна Крестителя повторилась исторія многихъ сильныхъ проповѣдниковъ, говорившихъ о покаяніи и исправленіи. Великіе и сильные въ общественномъ положеніи окружаютъ ихъ похвалами и сочувствіемъ, когда они проповѣдуютъ противъ общаго развращенія или противъ развращенія другихъ, далекихъ отъ нихъ, слоевъ общества. Но какъ скоро проповѣдь касается ихъ, нападаетъ на ихъ недостатки,—тогда часъ пропадаетъ прежнее сочувствіе, и раздается ненависть,

злослышіе плететь клеветы, оскорбленное самолюбіе готовить непріятности и гоненія. И вотъ мытари, любодѣйцы и грѣшники тѣснѣе пристають къ св. Іоанну, жаднымъ сердцемъ ловять и принимаютъ слова его, и воздають за него славу Богу; а фарисеи и законники отталкиваются отъ него, отвергаютъ волю Божию о себѣ, открывавшуюся имъ чрезъ Іоанна, и видѣвъ оправданную вѣру мытарей и блудницъ, не раскаяваются въ своемъ невѣріи (Матѣ. XXI, 32. Лук. VII, 29—30). Они напротивъ въ дурную сторону толкуютъ его святость и благочестіе. *Приде Іоаннъ (говоритъ Спаситель нашъ) на яды, на пїя: и малоумѣ: бѣса имати* (Матѣ. XI, 18). Между тѣмъ авторитетъ Іоанна возросъ до того въ народѣ, что недовольная имъ власть боится нападать на него, и не рѣшается открыто отвергать его правду и божественное посланничество. Какъ-то въ храмѣ, уже по смерти Іоанна, приступили къ Іисусу Христу, изгнавшему предъ тѣмъ изъ церкви продающихъ и покупающихъ, первосвященники и старѣйшины народа, съ вопросомъ: *кою властію сія твориши? И кто Ти даде власть сію?* Іисусъ Христосъ вмѣсто отвѣта говоритъ имъ: *вопрошу вы и азъ слово едино: еже аще речете мнѣ, и Азъ вамъ реку, кою властію сія творю. Крещеніе Іоанново откуду бѣ? Съ небесе ли, или отъ человекъ? Они же помыслиаху въ себѣ, малоумѣ: аще речемъ съ небесе: речетъ намъ: почто убо не впровасте ему? Аще ли речемъ: отъ человекъ: боимся народа: вси бо имутъ Іоанна яко пророка. И отпѣшавше Іисусови, рѣша: не вѣдѣмъ* (Матѣ. XXI, 23—27). Изъ этихъ словъ евангелиста понятно все величіе авторитета, какимъ окружено было имя Іоанна въ глазахъ всего іудейскаго народа. Ему волею или неволею подчинялись всѣ, безъ различія званій и состояній, отъ Ирода, который боялся и уважалъ его и долгое время соблюдалъ его въ безопасности, не смотря на строгія его обличенія, считалъ его

человѣкомъ праведнымъ и святымъ (Марк. VI, 20), и до послѣдняго мытаря и поденнаго работника, которые съ жаромъ непритворнаго усердія выслушивали проповѣдь неподкупнаго судьи и повелителя народной совѣсти. Синаedrіонъ, высшее правительственное мѣсто іудейское, при всемъ своемъ желаніи не можетъ поколебать побѣждающей силы великаго авторитета и послѣ того, какъ посланникъ Божій, его пріобрѣтшій, уже пересталъ дѣйствовать среди людей на этомъ колеблющемся земномъ поприщѣ.

Между тѣмъ св. Іоаннъ Креститель, окруженный необычайнымъ вниманіемъ народа, со всѣхъ сторонъ встрѣчавшій благоговѣйное уваженіе, стоя неизмѣримо выше всѣхъ своихъ современниковъ по духу и силѣ, былъ довольно смиренъ въ своей собственной оцѣнкѣ, и при всякомъ случаѣ отстранялъ отъ себя всѣ лишнія титла и всѣ почетныя званія. «Я не Мессія, ни Іилія, ни пророкъ» — отвѣчалъ онъ посланнымъ отъ синаedrіона спросить его: кто онъ такой (Іоан. I, 19—27). И синаedrіону и народу, чаявшему видѣть въ немъ обѣтованнаго Мессію, онъ представлялъ себя простымъ передовымъ вѣстникомъ, который посланъ приготовить путь Господу, имѣющему скоро явиться среди людей своихъ для ихъ избавленія отъ всѣхъ бѣдъ и напастей, и, по его словамъ, къ нему относились слова Ісаи: *гласъ вопіющаго въ пустыни: уготовайте путь Господень: прави творите стези Бога нашего* (Лук. III, 4; Марк. I, 3; Мате. III, 3). По отношенію къ этому Господу, о пришествіи котораго онъ возвѣщалъ іудеямъ, онъ представлялъ себя такимъ малымъ, что называлъ себя недостойнымъ преклонившись разрѣшить ремень саноготъ Его (Марк. I, 7; Лук. III, 16; Мате. III, 11; Іоан. I, 27). Явился новый божественный Учитель, — Тотъ Могуцественнѣйшій и Сильнѣйшій его, къ срѣщенію Котораго онъ приготовилъ народъ, — св. Іоаннъ склонилъ предъ Нимъ свою голову, признавая и

указывая въ Немъ высшее небесное посланничество. Ученики Іоанна, видя откровеніе славы новаго учителя, Господа Іисуса Христа, съ нѣкоторымъ чувствомъ ревности говорятъ Іоанну о дѣлахъ Христовыхъ. Наставляя ихъ, Іоаннъ говоритъ имъ: *вы сами мнѣ свидѣтельствуете, яко рече: кѣсмь азъ Христосъ, но яко посланъ есмь предъ Нимъ. Имѣяи невесту женихъ есть; а другъ жениховъ, стоя и послушая его, радостію радуется, за гласъ жениховъ. Сія убо радость моя исполнися. Оному подобаетъ расти, мнѣ же малитися* (Іоан. III, 28—30). Іоаннъ не вступилъ въ число учениковъ Господа Іисуса Христа, но продолжалъ свою приготовительную проповѣдь и послѣ того, какъ выступилъ на общественное поприще новый высочайшій Дѣятель. Въ этомъ указано было Іоанну его назначеніе, и слово приготовленія къ принятію Мессіи нужно было и имѣло значеніе и въ то время, когда самъ Мессія началъ дѣло своего служенія. Онъ указывалъ другимъ великаго Учителя, и самымъ близкимъ своимъ совѣтовалъ слѣдовать за Нимъ (Іоан. I, 29—37); но ему самому Богъ, призвавшій его къ служенію, не судилъ перемѣнять званіе учителя на званіе ученика, хотя и открылъ ему необыкновенную важность и новаго ученія и новаго Учителя (Іоан. III, 30—36). При встрѣчѣ съ Спасителемъ на Іорданѣ, когда Іисусъ Христосъ пришелъ принять крещеніе отъ Іоанна, Іоаннъ удерживалъ Его отъ этого, и изъявлялъ желаніе вступить въ число Его учениковъ. *Азъ требую Тобою креститися* (говорилъ онъ Ему), *и Ты ли ирадеши ко мнѣ* (Матѣ. III, 14)? Но Іисусъ Христосъ отклонилъ такое предложеніе, какъ дѣло, не согласное съ предустановленными законами божественной правды, и воля Іоанна подчинилась велѣнію Грядущаго съ неба и Высшаго всѣхъ (Іоан. III, 31). По указанію Божію, св. Іоаннъ Креститель, съ первыхъ дней своего общественнаго явленія

въ Іудеѣ и до послѣдняго дня своей жизни, остался однимъ и тѣмъ же,—проповѣдникомъ покаянія и предтечею Господа.

IX. Исторія въ нравственномъ быту іудеевъ не указала намъ ясно тѣхъ слѣдствій, какими увѣнчалась проповѣдь св. Іоанна о покаяніи и исправленіи жизни. Святос слово, какъ сѣмя, падало на сердца слушателей, и въ глубинахъ этихъ сердецъ оно скрывалось отъ посторонняго наблюдательнаго глаза, и тамъ, незамѣтно для людей, производило дѣйствія, оплодотворяющія духовную почву народа добрыми замыслами, чувствами и дѣлами. Современники Іоанна, скупые на записки и повѣствованія, увлеченные теченіемъ обстоятельствъ, не имѣли довольно свободы воззрѣнія для того, чтобы притягаться къ тому перевороту, какой давало народной волѣ сильное слово необыкновеннаго пророка. Мы, стоя въ исторической дали отъ тѣхъ временъ, по другой причинѣ не можемъ съ точностію обозначить тѣхъ нравственныхъ перемѣнъ, какія были слѣдствіемъ Іоанновой проповѣди о покаяніи. Въ слѣдъ за нимъ явился высшій божественный Учитель, и слово пророка и Предтечи Господня какъ бы непосредственно слилось, предъ взоромъ наблюдателя историческихъ перемѣнъ въ жизни народной, съ всеобѣдающимъ словомъ Того, Кѣмъ вдохновлялись и жили всѣ пророки. Сильный притокъ вошелъ въ великое русло, и съ нашей стороны было бы напрасною попыткою ускіе опредѣлить, что въ новыхъ нравственныхъ расположеніяхъ іудейскаго народа и всего міра, къ глѣзъ явленія Господа Ісуса Христа, принадлежитъ дѣйствию слова Іоаннова, и что дѣйствию слова Христова. Дѣйствіе слова Іоаннова было мало, если мы сравнимъ его съ дѣйствиемъ слова Христова, но оно было слишкомъ велико, если мы сопоставимъ его съ дѣйствиемъ проповѣди даже самыхъ замѣчательныхъ историческихъ дѣятелей слова. Не даромъ же отъ

силы слова Іоаннова сверху до низу потрясся весь іудейскій міръ; не даромъ всѣ стремились къ нему въ пустыню, открытымъ сердцемъ принимали его строгія и назидательныя рѣчи, и крещеніемъ въ водѣ запечатлѣвали желаніе и обѣтъ вести новую, благочестивую и богоугодную жизнь.

Большое отмѣчено въ исторіи и видѣе для насъ частное дѣйствіе проповѣди Іоанновой, состоявшее въ предрасположеніи или приготовленіи современныхъ поколѣній къ достойному срѣщенію Мессіи. Но въ этомъ заключалось самое важное и главное служеніе Предтечи Господа, посланнаго уготовать и исправить пути Ему, обратить стропотное въ правое и неровное сдѣлать гладкимъ. И съ этою частною проповѣдію св. Іоаннъ Креститель соединялъ общую проповѣдь о покаяніи и исправленіи жизни, какъ главномъ условіи достойнаго принятія Мессіи. Потому отсюда, изъ мѣры и степени приготовленности современниковъ Іоанна къ принятію Мессіи, мы справедливо можемъ заключать къ мѣрѣ и степени возвышенія нравственной жизни народа. Долго Богъ приготовлялъ израиля и все человѣчество къ дню избавленія: Онъ ждалъ, пока сдѣлается удобною для возвращенія новаго сѣмени правственная почва грѣшнаго человѣчества, и слово Іоанца было, въ планахъ домостроительства Божія, послѣднимъ и самымъ сильнымъ удобреніемъ ея. Гласъ вопіющаго въ пустынѣ не пропалъ безслѣдно; онъ проносился надъ долинами и горами, достигалъ селъ и городовъ, — и долины наполнялись, холмы выравнивались, выпрямлялись кривизны, и открывался гладкій путь царственному шествію Мессіи. Самъ Господь и Спаситель нашъ засвидѣтельствовалъ, что отъ дней Іоанна Крестителя начала чувствоваться въ народѣ сильная ревность къ достиженію царства небеснаго, и при дѣйствіи доброй воли она доводила людей дожелаемаго (Матѣ. XI, 12). Изъ учениковъ Іоанна были первые послѣдователи Господа

Исуса Христа. Когда предъ началомъ общественнаго служенія Исуса Христа св. Іоаннъ Креститель встрѣчался съ Нимъ на Іорданѣ, онъ всякій разъ указывалъ въ Немъ окружающимъ себя агнца Божія, вземлющаго грѣхъ міра, и этимъ указаніемъ какъ бы рекомендовалъ имъ новую высшую школу, къ которой они только готовились подъ его наставительнымъ вліяніемъ. И первозванные апостолы,—начатки общества Христова и новаго царства Божія, были именно изъ учениковъ Іоанна, и пошли за Господомъ Іисусомъ послѣ того, какъ слышали отъ своего учителя указаніе на Него, какъ на агнца Божія (Іоан. I, 29—42). Фактъ этотъ служить знаменательнымъ утвержденіемъ важнаго и плодотворнаго значенія приготовительной миссіи св. Предтечи Господня, и Спасителя нашъ какъ бы нарочно встрѣтился съ нимъ на Іорданѣ, чтобы непосредственно принять отъ него къ себѣ наиболѣе приготовленныхъ къ вступленію въ царство Божіе, и составить изъ нихъ ядро новаго христіанскаго міра. Школа Іоаннова, школа низшая по отношенію къ ученію Спасителя, служившая приготовленіемъ къ нему, оказалась вполне достигшею того назначенія, какое указано ей высшими опредѣленіями Промысла.

Явленія непосредственнаго перехода вѣрующихъ изъ учениковъ св. Іоанна Предтечи въ ученики Господа Ісуса Христа были не одинъ только разъ, и не въ одномъ мѣстѣ. Слово Іоанна разнеслось далеко за предѣлы Галилеи, и его дѣйствіе не ограничивалось только временемъ его жизни. И послѣ его смерти во всѣхъ концахъ римской имперіи встрѣчались послѣдователи великаго пророка Божія. Проповѣданное слово Іоанна, вылившееся изъ сильной и могущественной богопросвѣщенной души, съ неимовѣрною быстротою распространялось по всему тогдашнему историческому міру,—и въ этомъ случаѣ оно предрасполагало умы и сердца людей къ принятію новаго христіанскаго ученія. Когда послѣ смерти Спаси-

теля апостолы стали возбѣщать людямъ слово спасенія, и для этого предпринимать далекія путешествія, — въ разныхъ мѣстахъ они встрѣчали предупредившихъ ихъ проповѣдниковъ и послѣдователей ученія Іоаннова. И вездѣ проповѣдь Іоаннова ученія была достойнымъ и наилучшимъ приготовленіемъ къ явленію христіанства: она смягчала и разрыхляла жесткую и затвердѣвшую почву и дѣлала ее способною къ воспріятію и обращенію новаго сѣмени. Какъ съ родными и знакомыми, встрѣчались проповѣдники христіанства съ послѣдователями св. Іоанна Крестителя; нѣкоторое внутреннее родство связывало ихъ между собою, и при первомъ словѣ о Христѣ, распятомъ и воскресшемъ, при первомъ сопрیکосновеніи съ Его послѣдователями, ученики Іоанна изъ низшей школы переходили въ школу высшую. Чтобы наше свидѣтельство не показалось голословнымъ, мы просимъ читателя припомнить исторію Аполлоса, рассказанную въ дѣяніяхъ апостольскихъ (XVIII, 24—28; XIX, 1—7). Аполлосъ былъ родомъ іудей изъ Александріи, мужъ краспорѣчивый и свѣдущій въ писаніяхъ, по изображенію дѣяній апостольскихъ. Онъ былъ наставленъ въ начаткахъ пути Господня, и горя духомъ говорилъ и училъ о Господѣ, зная только крещеніе Іоанново. Онъ пришелъ въ Ефесъ и началъ смѣло говорить въ синагогѣ. Авила и Проклила приняли его, услышавши его, и точнѣе объяснили ему путь Господень, т. е., изъ ревнителя Іоанновой проповѣди сдѣлали его послѣдователемъ Христовымъ. И онъ пошелъ въ Ахаію, и тамъ не преставаѣ всенародно опровергать іудеевъ, доказывая писаніями, что Іисусъ есть Христосъ. — Во время пребыванія Аполлоса въ Коринѣ, прибылъ въ Ефесъ апостолъ Павелъ, и нашедши тамъ нѣкоторыхъ учениковъ, вѣроятно, наставленныхъ Аполлосомъ, сказалъ имъ: приняли ли вы Святаго Духа, увѣровавъ? Они же сказали ему: мы даже и не слышали, есть ли Духъ Святой. Онъ сказалъ имъ: во что

же вы крестились? Они отвѣчали: въ Іоанново крещеніе. Павелъ сказалъ: Іоаннъ крестилъ крещеніемъ покаянія, говоря людямъ, чтобы вѣровали въ Грядущаго по немъ, то есть, во Христа Іисуса. Услышавъ сіе, они крестились во имя Господа Іисуса. И когда Павелъ возложилъ на нихъ руки,—низшелъ на нихъ Духъ Святый, и они стали говорить языками и пророчествовать. Всѣхъ ихъ было человѣкъ около двѣнадцати. Уже послѣ приобщенія къ церкви этихъ учениковъ Іоанна, апостолъ Павелъ пришелъ въ синагогу и началъ не боязненно проповѣдывать о царствіи Божіемъ.—Конечно, въ то время не одинъ Аполлосъ былъ ревнителемъ Іоанновой проповѣди; подобно ему, распространяли по городамъ Іудеи и Греціи Іоаннову проповѣдь о покаяніи и другіе мужи, сильные въ словѣ и ученіи. И конечно, не въ одномъ Ефесѣ послѣдователи этой проповѣди были такъ близки къ проповѣдникамъ христіанства, что эти считали ихъ за своихъ, и безъ особенныхъ убѣжденій присоединяли ихъ къ новой вѣрѣ, встрѣчая въ нихъ готовый начатокъ спасенія.

Когда мы, при мысли о св. Іоаннѣ Крестителѣ, обращаемъ вниманіе на длинное теченіе исторіи, мы здѣсь встрѣчаемъ новое доказательство обаятельнаго значенія имени и авторитета Іоаннова. Черезъ длинный рядъ вѣковъ держится общество, которое считаетъ св. Іоанна Крестителя единымъ истиннымъ пророкомъ, прикрываетъ его именемъ свои вѣрованія и богослужебные обычаи, и въ своей сектѣ находитъ самое лучшее выраженіе религіознаго богопочитанія. На востокѣ, въ Сиріи дониндѣ существуетъ эта секта мнимыхъ учениковъ Іоанна Крестителя, которые называютъ себя мандаитами или мандеями ¹⁾. (Имя это образовалось отъ Манда-де-

¹⁾ См. о мандаитахъ или ученикахъ Іоанна Крестителя въ ноябрск. книжкѣ Трудовъ к. академіи за 1864 годъ.

гайе, т. е., сына откровеннаго Бога, котораго чтать своимъ Спасителемъ принадлежаще къ сектѣ, и имѣть аналогію съ именемъ христіанъ.) Упомянутая секта отнюдь не представляетъ вѣрнаго отраженія ученія Іоаннова. Она злоупотребляетъ именемъ св. Іоанна Крестителя; съ этимъ именемъ ее соединяетъ только вѣра въ особенное значеніе крещенія; крещеніе играетъ самую важную роль въ ихъ обычаяхъ и обрядахъ, и употребляется у нихъ очень часто, при каждомъ замѣчательномъ случаѣ жизни, и они почитаютъ его главнымъ средствомъ для прощенія грѣховъ. Въ ихъ вѣрованіяхъ содержится смѣсь всякихъ элементовъ, и восточныхъ, и эллинскихъ, и іудейскихъ, и христіанскихъ, и они служатъ остаткомъ древности, напоминающимъ гностико-манихейскія представленія. Для насъ эта секта не имѣетъ значенія. Св. Іоаннъ Креститель не могъ воспрепятствовать злоупотребленію его именемъ въ отдаленныхъ отъ него вѣсахъ, и не въ немъ, не въ его ученіи причина тѣхъ ошибокъ, въ какія впадали и впадаютъ люди, благоговѣющіе предъ его именемъ. Когда разрослось и широко распустилось по свѣту его ученіе, отъ великаго сочнаго дерева могли отпасть отдѣльныя вѣтви и сучья, и потомъ, оторвавшись отъ корня и ствола, потерять жизнь и способность къ развитію. Заблужденіе человѣческое легко могло завладѣть частями того святаго ученія, которое преподавалъ Іоаннъ, когда эти части въ раздробленномъ видѣ доносились до отдаленныхъ угловъ, и когда надъ ихъ цѣлостію не наблюдала душа самого учителя, въ своемъ земномъ служеніи стѣсненная предѣлами пространства и времени. Св. Іоаннъ не хотѣлъ учреждать особаго самостоятельнаго общества. Онъ называлъ себя только приготовителемъ путей Господнихъ, и его ясныя слова, какими онъ характеризовалъ свое служеніе и въ какихъ возвѣщалъ скорое пришествіе Мессіи, которому онъ наравнѣ съ другими желалъ покла-

няться, служить всегдашнимъ и сильнымъ предостереженіемъ для тѣхъ, кто, опираясь на его авторитетъ, захотѣлъ бы учреждать особое религіозное общество. Въ свое время онъ осаждалъ ревнивыя замашки своихъ учениковъ, съ тономъ недоумѣнія возвѣщавшихъ ему объ откровеніи самостоятельнаго служенія. Принявшаго крещеніе отъ него, и говорилъ имъ: не можетъ человѣкъ ничего принимать на себя, если не будетъ дано ему съ неба. Вы сами мнѣ свидѣтели въ томъ, что я говорилъ: не я Христосъ, но я только посланъ предъ Нимъ (Іоан. III, 27). Въ сектахъ, прикрывающихся именемъ св. Іоанна Крестителя, для насъ важно то значеніе, какое имѣетъ для людей на протяженіи многихъ вѣковъ это великое имя. Это далекій отголосокъ того могучаго впечатлѣнія, какое произвелъ на свое время богопросвѣщенный проповѣдникъ покаянія. Нужно необыкновенно—сильное дѣйствіе человѣческой личности для того, чтобы чрезъ осьмнадцать слишкомъ вѣковъ ея именемъ могло держаться цѣлое общество, и авторитетомъ ея придавать себѣ силу и освященіе.

Х. Мы кончили свой очеркъ. Мы не думаемъ, что исчерпали въ немъ все, что заключаетъ въ себѣ великое имя св. Іоанна Крестителя. Мы по крайней мѣрѣ старались по возможности дать ясное понятіе о высокой дѣятельности Претечи Господня, на основаніи тѣхъ данныхъ, какія сохранила для насъ священная и простая, несвященная исторія. Но въ заключеніе всего мы не хотимъ оставить читателя съ одними нашими сужденіями и представленіями. Для уясненія и усиленія ихъ мы прибѣгаемъ къ божественному авторитету Господа Іисуса Христа, и Его краткимъ но многозначительнымъ словомъ хотимъ прикрыть и исправить свои обмолвки и недомолвки. Пусть читатель, недовольный тѣми или другими нашими замѣчаніями, примирится съ нами подъ сладостнымъ впечатлѣ-

тлѣніемъ, какое производитъ на христіанина каждое слово нашего Господа и Спасителя.

Намъ припоминаются три отзыва Господа Иисуса Христа о св. Іоаннѣ Крестителѣ, переданные намъ евангелистами. Въ нихъ божественный Учитель указываетъ и изображаетъ предъ нами строгій и возвышенный характеръ своего Предтечи, важное значеніе его служенія, величіе его лица или духовной природы, силу и плодотворность его слова, и при этомъ равнодушіе и ожесточеніе людей, которые, владѣя такимъ сокровищемъ, какимъ былъ ниспосланный отъ Бога Іоаннъ, не сдумѣли или не захотѣли воспользоваться имъ во благо своей души.

Разъ въ Іерусалимѣ, на праздникъ іудейскомъ, по исцѣленіи тридцати-осми-лѣтняго недужнаго, Иисусъ Христосъ говорилъ сильную рѣчь въ обличеніе и вразумленіе іудеевъ, укорявшихъ Его въ нарушеніи субботы и не понимавшихъ Его великихъ дѣлъ и Его божественнаго ученія. Въ этой рѣчи Онъ сослался между прочимъ на свидѣтельство Іоанново о Себѣ, и при этомъ случаѣ сказалъ о немъ: *онъ бы седмицѣнникъ юря и сѣтя, вы же восхотѣсте возрадоватися въ часъ сѣтѣннѣя его* (Іоан. V, 35).

Другой разъ спрашиваютъ Спасителя ученики Его: правда ли то; что книжники говорятъ,—будто предъ пришествіемъ Мессіи Иліи надлежитъ прійти прежде? Иисусъ Христосъ сказалъ имъ въ отвѣтъ: *Илія убо пріидетъ прежде, и устроитъ вся. Глаголю же вамъ: яко Илія уже пріиде, и не познаша его, но сотвориша о немъ, елика восхотѣша: тако и Сынъ человеческій имать пострадати отъ нихъ* (Матѣ. XVII, 11. 12). Тогда разумѣша ученицы (прибавляетъ евангелистъ), *яко о Іоаннѣ Крестителѣ рече имъ.*

Но самую полную и знаменательную рѣчь объ Іоаннѣ Крестителѣ сказалъ Господь Иисусъ Христосъ народу, по

отнoсствіи отъ Него пословъ Іоанна, приходившихъ къ Немъ съ вопросомъ: *Ты ли еси іудей, или иного чаетъ?* Спаситель здѣсь обращается къ собственному чувству народа, ходившаго слушать проповѣдь Іоанна, — обращается съ тѣмъ, чтобы довести его до сознанія великаго значенія Іоанна Крестителя. *Чесо изыдоште (говорятъ Онъ) въ пустыню видѣти? Тростъ ли, ѣтвромъ колеблему?.. Но чесо изыдоште видѣти? Человѣка ли, въ мѣткы ризы облеченна? Се, иже мѣткая носящій въ домѣхъ царскихъ сущъ. Но чесо изыдоште видѣти? Пророка ли? Ей глаголю вамъ, и мѣтше пророка. Сей бо естъ, о немъже естъ писано: се Азъ посылаю ангела Моего предъ лицемъ Твоимъ, иже уготовитъ путь Твой предъ Тобою. Аминь глаголю вамъ, не воста въ рожденныхъ женами болій Іоанна Крестителя: мній же въ царствіи небеснѣхъ болій естъ. Отъ дней же Іоанна Крестителя досель царствіе небесное кудится, и нуждники восхищаютъ е. Все бо пророцы и законъ до Іоанна прорекоша. И аще хочете прияти, той естъ Иіа, хотяй прияти. Иіаля уши слышати, да слышатъ. — Кому же угодлю родъ сей? Подобенъ естъ дѣтемъ, судящимъ на торжищахъ, и возлашатиимъ другомъ своимъ, и глаголющимъ: пискахомъ вамъ, и не плясаете: плакахомъ вамъ, и не рыдаете. Приде бо Іоаннъ ни ядый, ни пій: и глаголютъ: бѣса имать. Приде Сынъ челоувѣскій ядый и пій: и глаголютъ: се челоувѣкъ ядца и винопійца, мытаремъ другъ и грѣшникомъ. И оправдися премудрость отъ чадъ своихъ (Матѣ. XI, 7—19).*

В. Пѣвничій.

